

Jus strictum

Основан в 2010 г.

№ 4
2024

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

До июня 2024 года журнал
выходил под названием
«Вектор науки
Тольяттинского
государственного
университета. Серия:
Юридические науки».

Включен в Перечень ВАК,
входит в РИНЦ,
Доступен в Crossref.

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, д. ф.-м. н., профессор

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, д. ю. н., доцент

Редакционная коллегия:

Азарёнок Николай Васильевич, д. ю. н., доцент

Дежнев Александр Сергеевич, д. ю. н., доцент

Дуюнов Владимир Кузьмич, д. ю. н., профессор

Ирошников Денис Владимирович, д. ю. н., доцент

Кленова Татьяна Владимировна, д. ю. н., профессор

Лазарева Валентина Александровна, д. ю. н., профессор

Ланг Петр Петрович, д. ю. н., доцент

Муравьев Кирилл Владимирович, д. ю. н., доцент

Насонова Ирина Александровна, д. ю. н., профессор

Некрасов Александр Петрович, д. ю. н., профессор

Россинский Сергей Борисович, д. ю. н., профессор

Рябинина Татьяна Кимовна, д. ю. н., профессор

Субочев Виталий Викторович, д. ю. н., профессор

Суменков Сергей Юрьевич, д. ю. н., доцент

Трофимов Василий Владиславович, д. ю. н., доцент

Хужин Альфир Мисхатович, д. ю. н., доцент

Зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций (свидетельство
о регистрации
серия ПИ № ФС77-76950
от 09 октября 2019 г.).

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»:
45079.

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический
редактор:

Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020,
Россия, Самарская область,
г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14
Тел.: **(8482) 44-91-74**
E-mail:
vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт:
<https://vektornaukipravo.ru>

Подписано в печать
25.12.2024.

Выход в свет 28.12.2024.

Формат 60×84 1/8.

Печать цифровая.

Усл. п. л. 5,6.

Тираж 25 экз. Заказ 3-489-24.

Цена свободная.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, директор Института права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Азарёнок Николай Васильевич, доктор юридических наук, доцент, директор Института юстиции, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова (Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия).

Дежнев Александр Сергеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса (Омская академия МВД Российской Федерации, Омск, Россия).

Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Ирошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия).

Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Ланг Петр Петрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия), судья (Арбитражный суд города Москвы, Москва, Россия).

Муравьев Кирилл Владимирович, доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского центра (Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, Орел, Россия).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Некрасов Александр Петрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Самарский юридический институт ФСИН России, Самара, Россия).

Росинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Субочев Виталий Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного регулирования (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Москва, Россия).

Суменков Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Государственно-правовые дисциплины» (Пензенский государственный университет, Пенза, Россия).

Трофимов Василий Владиславович, доктор юридических наук, доцент, начальник Научно-исследовательского центра государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права (Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия).

Хужин Альфир Мисхатович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса (Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

Реализация принципа единства судебной практики в российском судопроизводстве Зимников М.Д.	7
Досудебное уголовное судопроизводство: понятие, сущность, содержание и структура Кожевников Р.О.	15
РЕЦЕНЗИЯ на монографию «Основы теории юридической аномии» Д.А. Липинского, А.В. Малько, А.А. Иванова, Р.С. Маркунина под ред. д-ра юрид. наук., проф. Д.А. Липинского (Основы теории юридической аномии: монография / Д.А. Липинский, А.В. Малько, А.А. Иванов, Р.С. Маркунин ; под ред. Д.А. Липинского. М.: РИОР, 2024. 407 с.) Макарейко Н.В.	23
О некоторых правовых последствиях принятия исполнения от контрагента по договору Маштаков И.В.	29
Уголовно-процессуальная форма: границы необходимого и достаточного Тарасов А.А.	39
НАШИ АВТОРЫ	47

CONTENT

Implementation of the principle of unity of judicial practice in Russian court proceedings Zimnikov M.D.	7
Pre-trial criminal proceedings: concept, essence, content and structure Kozhevnikov R.O.	15
REVIEW of the manuscript “Fundamentals of the theory of legal anomie” by D.A. Lipinskiy, A.V. Malko, A.A. Ivanov, R.S. Markunin edited by Doctor of Sciences (Law), Professor D.A. Lipinskiy (Lipinskiy D.A., Malko A.V., Ivanov A.A., Markunin R.S. <i>Osnovy teorii yuridicheskoy anomii</i> [Fundamentals of the theory of legal anomie]. Moscow, RIOR Publ., 2024. 407 p.) Makareyko N.V.	23
Concerning some legal consequences of accepting performance from a counterparty under a contract Mashtakov I.V.	29
Criminal procedure form: boundaries of the necessary and sufficient Tarasov A.A.	39
OUR AUTHORS	47

Реализация принципа единства судебной практики в российском судопроизводстве

Зимников Матвей Денисович, студент

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва (Россия)

E-mail: zimnikovmatvej8@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-6718-7573>

Поступила в редакцию 05.11.2024

Пересмотрена 02.12.2024

Принята к публикации 16.12.2024

Аннотация: В последнее время в правоприменительной практике все чаще можно встретить позиции судов, противоречащие нормам материального и процессуального права, в связи с чем возникает объективная необходимость изучения и осмысления причин данного явления, а также выработки путей, необходимых для повышения уровня правосудия в Российской Федерации. В качестве одного из средств, применение которых способно нивелировать встречающиеся отклонения судов в единообразном толковании и применении норм права, автор рассматривает принцип единства судебной практики. В статье проводится анализ ключевых точек зрения, существующих в доктрине процессуального права, а также положений действующего законодательства и многочисленной судебной практики на предмет существования и закрепления принципа единства судебной практики. Автор дает собственное определение принципа единства судебной практики и проводит его разграничение с понятием единообразия судебной практики, выступающим в качестве инструмента реализации рассматриваемого основополагающего начала. Проведенное исследование позволило сделать вывод о существовании и общеобязательности принципа единства судебной практики. Подводя итоги проведенному исследованию, автор обосновывает необходимость внесения комплексных законодательных изменений с целью повышения уровня правосудия в Российской Федерации. В частности, предлагается зафиксировать в определенных нормах процессуального законодательства общеобязательный характер положений, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного суда РФ, постановлениях Президиума Верховного суда РФ, а также решениях Конституционного суда РФ. Внесение подобных изменений позволит повысить качество российского правосудия, в большей мере обеспечить принципы верховенства права, равноправия и состязательности сторон в судопроизводстве, а также повысить уровень стабильности, справедливости, правовой определенности и предсказуемости правосудия в Российской Федерации, а также снизить нагрузку на вышестоящие судебные инстанции.

Ключевые слова: принцип единства судебной практики; единообразие судебной практики; судебная практика; судебный прецедент; Верховный суд РФ; Конституционный суд РФ; общеобязательность судебной практики.

Для цитирования: Зимников М.Д. Реализация принципа единства судебной практики в российском судопроизводстве // Jus strictum. 2024. № 4. С. 7–13. DOI: 10.18323/3034-2945-2024-4-59-1.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в судебной практике Российской Федерации все чаще встречаются позиции судов, которые противоречат друг другу в части толкования и применения правовых норм. Причем такие противоречия встречаются даже в решениях, принятых одними и теми же судебными составами по идентичным вопросам. Так, например, определением Арбитражного суда Московской области от 24 августа 2017 г. по делу № А41-30231/2017 исковое заявление было оставлено без рассмотрения по причине несоблюдения обязательного досудебного порядка урегулирования спора, действовавшего в момент подачи иска в суд. Однако в период после подачи искового заявления в суд и до момента фактического рассмотрения дела обязательный претензионный порядок по рассматриваемому спору был отменен Федеральным законом № 47-ФЗ от 2 марта 2016 г. «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации». В связи с этим суд апелляционной инстанции отменил вышеуказанный судебный акт со ссылкой на то, что в момент вынесения определения федеральным законодательством

не было установлено требования об обязательном соблюдении претензионного (досудебного) порядка по рассматриваемому иску. С такой позицией согласился и Арбитражный суд Московского округа¹. Несмотря на это, двумя месяцами ранее названный суд, действовавший в том же судебном составе, рассматривая аналогичное дело, поддержал нижестоящие инстанции и указал на необходимость соблюдения претензионного порядка, если он является обязательным на момент подачи иска, а не рассмотрения дела в суде².

Об отсутствии единообразия в толковании и применении судами норм права свидетельствует также большое количество отмененных и измененных судебных постановлений в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций. Так, например, только в 2023 г. из 459 203 оконченных в апелляционном порядке

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.01.2018 г. № Ф05-20728/17 по делу № А41-30231/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/OW6Q2PDgjT68/>.

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.12.2017 г. № Ф05-19255/17 по делу № А40-124347/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/nqmbWans7Wp/>.

гражданских дел 94 335 решений были отменены и 21 678 – изменены³.

Важно понимать, что реализация таких важнейших конституционных принципов, как верховенство права, равноправие граждан и состязательность сторон в судопроизводстве, напрямую зависит от достижения единства в судебной практике. Кроме того, применение рассматриваемого принципа также способно повысить уровень стабильности, справедливости, правовой определенности и предсказуемости правосудия в Российской Федерации.

Проводя анализ существующих в доктрине процессуального права точек зрения, можно отметить, что на текущий момент отсутствует единый подход к определению сущности объекта настоящего исследования. При этом наиболее дискуссионными являются вопросы, касающиеся существования, содержания и общеобязательности соблюдения принципа единства судебной практики при осуществлении правосудия. Тем не менее большинство авторов все же указывают на наличие рассматриваемого принципа и обязательность его применения [1; 2]. Однако в научном сообществе до сих пор не достигнуто консенсуса в отношении определения форм и способов обеспечения рассматриваемого принципа. Так, часть исследователей считает, что единство судебной практики должно обеспечиваться посредством применения положений, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного суда Российской Федерации (далее – Пленум ВС РФ) и решениях Конституционного суда Российской Федерации (далее – КС РФ), а кто-то включает в этот перечень еще и постановления Президиума Верховного суда Российской Федерации (далее – Президиум ВС РФ) и утвержденные им Обзоры судебной практики [3–5]. Вместе с тем в доктрине процессуального права понятие судебной практики также не имеет четкого определения. Ряд исследователей полагает, что под судебной практикой понимается не вся совокупность решений судов общей юрисдикции и арбитражных судов, а лишь их часть [6; 7]. Другая группа ученых считает иначе и включает в состав судебной практики решения судов всех инстанций [8; 9].

Цель работы заключается в установлении факта существования принципа единства судебной практики, а также в определении его сущности и общеобязательности.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предметом исследования явились положения действующего процессуального законодательства, многочисленные судебные акты и научная литература по вопросу определения, закрепления и применения принципа единства судебной практики.

В исследовании применялись как общенаучные, так и специальные методы, к числу которых относятся методы комплексного и сравнительного правового анализа, синтеза, а также исторический и формально-юридический подход к пониманию рассматриваемого правового явления.

Исследование проводилось в несколько этапов.

1. Анализ и обобщение ключевых точек зрения, существующих в доктрине процессуального права, а также положений действующего законодательства и релевантной судебной практики по вопросу существования и закрепления принципа единства судебной практики.

2. Формулирование понятия рассматриваемого принципа.

3. Определение форм, способов и пределов реализации принципа единства судебной практики.

4. Рассмотрение вопроса об общеобязательности применения положений, закрепленных в судебной практике.

5. Разработка предложений по внесению изменений в действующее процессуальное законодательство в целях повышения уровня правосудия в Российской Федерации.

6. Оценка последствий, ожидаемых в результате внесения предложенных правовых изменений.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Нормативно-правовое закрепление принципа единства судебной практики

Непосредственное нормативно-правовое закрепление принципа единства судебной практики отсутствует. Однако на его существование и необходимость им руководствоваться указывают закрепленные в ст. 270 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), ст. 330 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), ст. 310 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) основания для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке, к числу которых относится неправильное истолкование и применение закона. Подобное основание предусмотрено и для отмены судебных постановлений в кассационном порядке (ст. 328 КАС РФ, ст. 379.7 и 390.14 ГПК РФ, ст. 286 и 291 АПК РФ). В качестве основания для отмены или изменения судебного постановления в порядке надзора законодатель прямо закрепил нарушение единообразия в применении и (или) толковании судами норм права (ст. 308.8 АПК РФ, ст. 391.1 ГПК РФ, ст. 341 КАС РФ).

В соответствии с п. 27 постановления Пленума ВС РФ от 30 июня 2020 г. № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» и п. 28 постановления Пленума ВС РФ от 30 июня 2020 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции», суд кассационной и апелляционной инстанций, проверяя правильность применения норм материального и процессуального права, устанавливает, соответствуют ли выводы нижестоящих судов сложившейся по рассматриваемому вопросу правоприменительной практике, определенной постановлениями Пленума ВС РФ и Президиума ВС РФ, а также сохранившими силу постановлениями Пленума Высшего арбитражного суда РФ и Президиума Высшего арбитражного суда РФ.

В целях реализации принципа единства судебной практики законодатель закрепил в ст. 311, 350 КАС РФ,

³ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ // Четырнадцатый арбитражный апелляционный суд. URL: <https://14aas.arbitr.ru/node/15745?ysclid=m10v8gwwny362095283>.

ст. 392 ГПК РФ возможность пересмотра вступивших в силу судебных постановлений по новым обстоятельствам, к числу которых относится также определение либо изменение в постановлении Пленума или Президиума ВС РФ практики применения правовой нормы, если в таком постановлении содержится непосредственно указание на то, что сформулированная в нем правовая позиция имеет обратную силу применительно к делам со схожими фактическими обстоятельствами.

Кроме того, согласно п. 30 постановления Пленума ВС РФ от 30 июня 2020 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса РФ при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» в качестве документов, подтверждающих доводы и возражения сторон по кассационной жалобе, в суд могут быть представлены материалы судебной практики по делам со схожими фактическими обстоятельствами, обосновывающие, по мнению заявителя, правильность применения судами первой и апелляционной инстанций норм материального или процессуального права.

Важно помнить, что реорганизация судебной системы в виде упразднения Высшего арбитражного суда Российской Федерации в 2014 г. была обусловлена, в числе прочего, необходимостью обеспечения единства судебной практики⁴. Такая реформа была направлена в том числе на создание более целостной судебной системы, способной обеспечивать предсказуемость и единообразие в толковании и применении норм права.

Таким образом, прямое закрепление в законе обязанности судов следовать принципу единства судебной практики при осуществлении правосудия отсутствует. Однако на существование и обязательность применения рассматриваемого принципа указывается посредством законодательного определения вышераассмотренных оснований для отмены, изменения и пересмотра судебных постановлений, а также путем закрепления необходимости учитывать схожую судебную практику при рассмотрении дел в судах апелляционной и кассационной инстанций.

Вместе с тем сами суды, в том числе КС РФ, в процессе рассмотрения дел часто ссылаются на существование и необходимость руководствоваться принципом единства судебной практики⁵. Некоторые суды даже

в контексте необходимости соблюдения единообразного толкования и применения правовых норм применяют правила об отложении судебного разбирательства⁶. Однако подобная позиция явно находится в противоречии с принципами законности и независимости судей, предполагающими разрешение дела независимо от рассмотрения других дел, в том числе в проверочных инстанциях.

В судебной практике также существует и диаметрально противоположный подход, согласно которому отрицается необходимость при толковании и применении правовых норм руководствоваться схожей судебной практикой⁷. Аргументируется это тем, что решение принимается судом исходя из установленных по делу фактов, а прецедент источником права не является.

Сущность и содержание принципа единства судебной практики

Сущность и содержание принципа единства судебной практики в законе также прямо не раскрываются. Определение рассматриваемого принципа можно обнаружить в актах судов высших инстанций. Так, под единством судебной практики понимается правильное и единообразное толкование и применение судами норм федерального законодательства при рассмотрении и разрешении правовых споров в целях обеспечения верховенства права на всей территории государства⁸. Подобного определения придерживаются также теоретики процессуального права [10; 11]. При этом следует различать понятия единства судебной практики и ее единообразия. Единообразие в судебной практике – это инструмент, посредством которого достигается и обеспечивается единство судебной практики. Основываясь на вышеизложенном, можно сделать вывод, что любое истолкование правовых норм судом, не соответствующее их действительному смыслу, нарушает единообразие,

⁴ *Решение Тюменского районного суда от 30.01.2024 г. № 2-4777/2023 по делу № 2-4777/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/61X3XSUuPTZT/>.*

⁶ *Решение Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 05.07.2024 № Ф01-2663/2024 по делу № А82-5968/2024 // Гарант: информационно-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/39756671/>.*

⁷ *Постановление Пермского краевого суда от 27 ноября 2017 г. № 4А-1652/2017 по делу № 4А-1652/2017 // Судебные и нормативные акты. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4bt4IHqN36Q/>.*

Апелляционное определение Московского городского суда от 16.07.2024 по делу № 33-13808/2024 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/ad722000-e841-11ee-990c-0d5d41ac40d3>.

Решение Агаповского районного суда Челябинской области от 24 ноября 2023 г. № 2-1641/2023 по делу № 2-1641/2023 // Судебные и нормативные акты. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4Vg0LSiHXaWi/>.

⁸ *Постановление Президиума Верховного суда Российской Федерации от 30 декабря 2009 г. по делу № 2-3833/07 // Судебные и нормативные акты. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/ZLbFYAPGeuZW/>.*

Постановление Президиума Верховного суда Российской Федерации от 23.03.2005 г. по делу № 25-ПВ04 // Гарант: информационно-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/12141110/>.

⁴ *Послание Президента Российской Федерации Путина В.В. Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 года // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38057>.*

⁵ *Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.12.2013 № 29-П, от 17.10.2017 № 24-П, от 16.06.2022 № 25-П // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-23122013-n/>.*

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.09.2023 г. № 307-ЭС23-7078 по делу № А56-45954/2022 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kolleгии-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-25092023-n-307-es23-7078-po-delu-n-a56-459542022/>.

Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.08.2024 № Ф04-2526/2024 по делу № А03-12477/2023 // Гарант: информационно-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/38345060/>.

что, в свою очередь, является отступлением от принципа единства судебной практики.

Говоря о способах и формах обеспечения единообразного толкования и применения судами норм права, необходимо отметить, что настоящий вопрос также прямо не урегулирован законом и вызывает дискуссии в науке процессуального права. Ясно одно – единообразие может быть реализовано лишь посредством обращения суда при разрешении конкретного спора к устоявшейся судебной практике. Однако прямой ответ на вопрос, что необходимо понимать под судебной практикой и каковы границы ее применения, отсутствует. Так, некоторые ученые-процессуалисты полагают, что к судебной практике относятся решения судов всех инстанций [8; 9], другие более узко трактуют этот термин и относят к нему лишь решения и разъяснения судов высших инстанций [6; 7].

Для того чтобы понять, что следует считать судебной практикой в рассматриваемом нами случае, необходимо обратиться к системному толкованию норм современного законодательства, доктрины процессуального права и актов высших инстанций. В настоящее время считается общепризнанным, что при разрешении споров суды в целях единообразного толкования и применения норм права должны обращаться к разъяснениям, содержащимся в постановлениях Пленума и Президиума ВС РФ, а также решениях КС РФ. Это также вытекает из ч. 6 ст. 125, ст. 126 Конституции РФ, ст. 3, 5, 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», п. 4 постановления Пленума ВС РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении», где говорится о необходимости судов при разрешении дел и вынесении решений по ним учитывать постановления Пленума ВС РФ. Кроме того, подобный вывод позволяет сделать сформулированное ВС РФ понятие нарушения единства судебной практики, под которым понимается несоответствие позиции суда вышеуказанным постановлениям⁹.

Рассмотренный подход к определению содержания судебной практики обуславливается рядом причин, к числу которых относится также и то, что указанные постановления являются окончательными, пересмотру не подлежат и отражают позицию ВС РФ в целом, так как выносятся в соответствующем субъектном составе. По этой причине Обзоры судебной практики, утвержденные Президиумом ВС РФ (далее – Обзоры судебной практики), постановления коллегий ВС РФ и решения нижестоящих инстанций не относятся к числу судебных актов, которыми должен руководствоваться суд при разрешении спора в целях единообразного толкования и применения норм права¹⁰.

⁹ Постановление Президиума Верховного суда Российской Федерации от 30 декабря 2009 г. по делу № 2-3833/07 // Судебные и нормативные акты. URL: <https://sudact.ru/vsrfd/doc/ZLbFYAPGeuZW/>.

Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 01.07.2015 г. по делу № 5-ПВ15 // Гарант: информационно-правовая система. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71045470/>.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.10.2017 № 24-П // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации.

При этом по поводу Обзоров судебной практики в науке процессуального права ведутся отдельные дискуссии, на что также указывает рассмотрение в 2018 г. законопроекта, предполагающего придать им статус нового обстоятельства для пересмотра судебных решений¹¹. Неясность в вопрос об обязательности учета Обзоров судебной практики при разрешении правовых споров вносят также положения п. 27 постановления Пленума ВС РФ от 30 июня 2020 г. № 12 и п. 28 постановления Пленума ВС РФ от 30 июня 2020 г. № 13, предусматривающие, что суд кассационной и апелляционной инстанций, проверяя правильность применения норм материального и процессуального права, устанавливает, соответствуют ли выводы нижестоящих судов по рассматриваемому вопросу сложившейся правоприменительной практике, определенной в Обзорах судебной практики.

Руководствуясь вышеизложенным, можно сделать вывод, что в настоящее время принцип единства судебной практики прямо не предусмотрен законом, однако о необходимости единообразного толкования и применения судами норм права свидетельствуют некоторые положения закона, многочисленная судебная практика, а также доктрина процессуального права.

Общеобязательность актов Верховного суда Российской Федерации и Конституционного суда Российской Федерации

При сложившемся подходе возникает вопрос о необходимости прямого установления в законе обязанности судов при разрешении правовых споров руководствоваться разъяснениями, содержащимися в постановлениях Пленума и Президиума ВС РФ, как это было предусмотрено в дореволюционной России и в СССР [12]. Подобное положение ранее было также закреплено КС РФ в отношении постановлений Высшего арбитражного суда РФ¹².

При этом важно понимать, что закрепление подобного положения в законе не будет свидетельствовать о том, что вышеуказанные постановления ВС РФ станут источником права, что в итоге приведет к переходу к системе прецедентного права. Это исключается в силу наличия в России писаного права, а также по причине того, что указанные постановления ВС РФ, как презюмируется, выполняют функции толкования и разъяснения и не содержат в себе новые нормы права [13; 14].

Как отмечают многие ученые-процессуалисты, положения, содержащиеся в постановлениях Пленума и Президиума ВС РФ, представляют собой некие «квазинормы», созданные в процессе абстрактного и казуального толкования [15]. При таком подходе необходимо четко проводить разграничение между созданием

URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17102017-n-24-p/>.

¹¹ Выступление Лебедева В.М. на Международном юридическом форуме стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в 2018 году // Российское агентство правовой и судебной информации. URL: <http://rapsinews.ru/judicial/news/20180925/288018954.html>.

¹² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.01.2010 № 1-П // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-21012010-n/>.

новой нормы права и толкованием, конкретизацией уже существующей, что также вызывает на практике ряд проблем [16; 17].

Тем не менее вопрос о закреплении в законе прямой обязанности судов при разрешении споров следовать разъяснениям, содержащимся в постановлениях Пленума и Президиума ВС РФ, требует тщательной проработки, в частности требуется решить вопрос о необходимости закрепления процедур обязательного нормоконтроля в отношении вышеуказанных постановлений и возможности их оспаривания в КС РФ в целях недопущения систематического следования правонарушающей практике [18].

В доктрине российского процессуального права в отношении общеобязательности решений КС РФ дискуссий практически не существует в связи с тем, что ст. 125 Конституции РФ прямо предусматривает, что акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу, а в случае признания их конституционными в истолковании, данном КС РФ, не подлежат применению в ином истолковании.

Как уже было указано ранее, принцип единства судебной практики заключается в правильном толковании и применении всеми судами норм материального и процессуального права в целях реализации основополагающих начал верховенства права, равноправия и состязательности сторон в судопроизводстве. В свою очередь, правильное толкование и применение норм права может быть полноценно обеспечено лишь посредством обязательного обращения суда при рассмотрении и разрешении спора к положениям, содержащимся в судебной практике, а именно в решениях КС РФ, постановлениях Пленума и Президиума ВС РФ. Так, принцип единства судебной практики представляет собой толкование и применение норм права в точном соответствии с законом, иными нормативными правовыми актами, а также вышеуказанной судебной практикой.

Необходимо отметить, что активную роль в обеспечении единства судебной практики должны выполнять непосредственно стороны судебного разбирательства посредством ссылок на решения КС РФ, постановления Пленума и Президиума ВС РФ. Однако такое требование, безусловно, не может выступать в качестве обязанности сторон. Суд самостоятельно определяет нормы, применимые к рассматриваемым правоотношениям.

Ввиду вышеизложенного стоит согласиться с мнением, что «в основу любого судебного акта должно быть положено требование единообразия правоприменительной практики – в противном случае девальвируется сущность такого института, как суд. Суды обязаны мотивировать свои решения с применением устоявшейся судебной практики, отражающей принцип, связанный с надлежащим отправлением правосудия» [19].

С одной стороны, законодательное закрепление вышеуказанного положения приведет к увеличению времени рассмотрения дел в судах, но с другой – повысит качество российского правосудия, позволит в большей степени реализовать принципы верховенства права, равноправия и состязательности сторон в судопроизводстве, а также повысит уровень стабильности, справедливости, правовой определенности и предсказуемости правосудия в РФ и снизит нагрузку на вышестоящие судебные инстанции [20; 21]. Кроме того, правовое

урегулирование рассматриваемого вопроса позволит ограничить при осуществлении правосудия произвольное использование актов нижестоящих инстанций под предлогом единообразия¹³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На наш взгляд, в целях достижения правовой определенности в вопросе существования и общеобязательности принципа единства судебной практики, а также в целях недопущения необоснованного отклонения судом доводов сторон, реализующих принцип состязательности при помощи ссылок в рамках обоснования своей правовой позиции на решения КС РФ, постановления Пленума и Президиума ВС РФ, необходимо включить в действующее процессуальное законодательство, а именно в ст. 198 ГПК РФ, ст. 170 АПК РФ, ст. 180 КАС РФ положения о необходимости указания в мотивировочной части судебного акта вышеуказанной судебной практики, существующей и относящейся к существу разрешаемого спора. При этом необходимо понимать, что закрепление подобного положения приведет к необходимости комплексной интеграции принципа единства судебной практики в действующее процессуальное законодательство РФ. В частности, соответствующие изменения необходимо будет внести в ст. 11, 171, 329, 390.1, 390.16, 391.13 ГПК РФ, ст. 6, 13, 185, 271, 289, 291.13, 308.12 АПК РФ и ст. 9, 15, 199, 311, 330, 343 КАС РФ.

Таким образом, реализация принципа единства судебной практики является естественным и необходимым условием справедливого и эффективного функционирования судебной системы в России. При этом в настоящее время остро стоит вопрос о необходимости тщательного законодательного урегулирования процесса использования принципа единства судебной практики в целях обеспечения верховенства права и реализации иных основополагающих конституционных начал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гук П.А., Гук Е.П. Принцип единства судебной практики в российском судопроизводстве // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 3. С. 83–90. DOI: [10.21685/2072-3016-2016-3-8](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2016-3-8).
2. Коршунова П.В. Единство судебной практики и правовые средства ее обеспечения // Известия высших

¹³ *Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14.03.2019 г. по делу № А79-12226/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrfd/doc/GY3VT09wXS5c/>.*

Решение Усть-Джегутинского районного суда Карачаево-Черкесской Республики № 2-1726/2023 от 26.12.2023 г. по делу № 2-1726/2023 // Усть-Джегутинский районный суд Карачаево-Черкесской Республики. URL: https://ust-djegutinsky-kchr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=36394539&case_uid=a530feab-aea2-45c1-8f23-c5a24b35db9a&delo_id=1540005&new=.

Решение Кировского районного суда г. Томска № 12-163/2021 от 15.06.2021 г. по делу № 12-163/2021 // Субъекты РФ. URL: <https://actofact.ru/case-70RS0001-12-163-2021-2021-04-13-1-1/>.

- учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 2. С. 25–35. DOI: [10.21685/2072-3016-2019-2-3](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-2-3).
3. Князькин С.И. Единство судебной практики и средства его обеспечения // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 160–168. DOI: [10.12737/14383](https://doi.org/10.12737/14383).
 4. Коршунова П.В. Обеспечение единства судебной практики высшими судебными органами Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 4. С. 115–120. DOI: [10.23672/SAE.2024.4.4.018](https://doi.org/10.23672/SAE.2024.4.4.018).
 5. Рыжков К.С. Единообразное толкование и применение норм права в гражданском и арбитражном процессе: факторы влияния // Антиномии. 2022. Т. 22. № 2. С. 96–113. DOI: [10.17506/26867206_2022_22_2_9](https://doi.org/10.17506/26867206_2022_22_2_9).
 6. Кононкова Н.В., Баданина А.С. Судебная практика и судебный прецедент как источники права в правовой системе Российской Федерации // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 78. С. 42–47. EDN: [ZNHUUJ](https://elibrary.ru/znhuuu).
 7. Крылова И.В., Семёнов А.В. Судебная практика в гражданском и арбитражном процессе (на примере дел с участием таможенных органов) // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 3. С. 132–146. EDN: [KALOYF](https://elibrary.ru/kaloyf).
 8. Ковалева В.В. Судебная практика в контексте современного правового регулирования // Юридическая наука. 2022. № 1. С. 15–20. EDN: [JTUBEK](https://elibrary.ru/jtubek).
 9. Ярков В.В. Статус судебной практики в России: некоторые вопросы // Юридическая наука и образование. 2008. № 1. С. 206–207. EDN: [ELMEBS](https://elibrary.ru/elmebs).
 10. Гущина Н.А. Формирование единства практики реализации юридических норм и правовых позиций высшей судебной власти при рассмотрении гражданских дел // Современное право. 2014. № 10. С. 84–89. EDN: [SVMSVT](https://elibrary.ru/svmsvt).
 11. Петрунина А.А. Единство судебной практики как принцип законодательства // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 4. С. 156–160. EDN: [TFAFRX](https://elibrary.ru/tfafrx).
 12. Кучин М.В. Генезис судебного нормотворчества в России // Universum Juris. 2016. № 1. С. 2–5. EDN: [ZUDZBX](https://elibrary.ru/zudzbx).
 13. Гаевой А.И., Лях Л.А. К вопросу об обязательности разъяснений Верховного суда Российской Федерации и быть ли судебному прецеденту в судопроизводстве России: современные проблемы теории и практики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 9. С. 72–79. DOI: [10.24412/2220-2404-2024-9-23](https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-9-23).
 14. Рожкова М.А. Судебный прецедент и судебная практика // Иски и судебные решения: сборник статей. М.: СТАТУТ, 2009. С. 320–353. EDN: [YKALKJ](https://elibrary.ru/ykalkj).
 15. Гончаров А.И., Квициния Н.В. Квазинормы Верховного суда Российской Федерации как «потенциальный» источник гражданского права // Цивилист. 2024. № 4. С. 62–68. EDN: [WRSYLF](https://elibrary.ru/wrsylf).
 16. Лепихина Н.В. Толкование норм права в постановлениях Пленума Верховного суда Российской Федерации // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 28. С. 128–132. EDN: [VOFOSR](https://elibrary.ru/vofosr).
 17. Ображиев К.В. Судебное толкование и судебное нормотворчество: проблемы соотношения // Журнал российского права. 2010. № 3. С. 98–103. EDN: [NDLWLJ](https://elibrary.ru/ndlwlj).
 18. Вишневецкий Г.А. Единство судебного правоприменения как способ обеспечения верховенства права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 2. С. 8–15. EDN: [PVACWJ](https://elibrary.ru/pvacwj).
 19. Луценко С.И. Дисциплинарная ответственность судьи за нарушение единства судебной практики // Современное право. 2020. № 4. С. 85–91. DOI: [10.25799/NI.2020.21.29.017](https://doi.org/10.25799/NI.2020.21.29.017).
 20. Гук П.А., Коршунова П.В. Единство судебной практики как особая ценность правосудия // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 103–115. DOI: [10.12737/jrl.2020.151](https://doi.org/10.12737/jrl.2020.151).
 21. Петрунина А.А. Принцип единства судебной практики как фактор развития правовой культуры // Правовая культура. 2015. № 1. С. 72–75. EDN: [TLIUSX](https://elibrary.ru/tliusx).

REFERENCES

1. Guk P.A., Guk E.P. The principle of court practice unity in the Russian judicial system. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*, 2016, no. 3, pp. 83–90. DOI: [10.21685/2072-3016-2016-3-8](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2016-3-8).
2. Korshunova P.V. The unity of judicial practice and legal means of its provision. *University proceedings. Volga region. Social sciences*, 2019, no. 2, pp. 25–35. DOI: [10.21685/2072-3016-2019-2-3](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-2-3).
3. Knyazkin S.I. Consistency of judicial practice and means of its ensuring. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2015, no. 11, pp. 160–168. DOI: [10.12737/14383](https://doi.org/10.12737/14383).
4. Korshunova P.V. Practice by the high judicial bodies of the Russian Federation. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2024, no. 4, pp. 115–120. DOI: [10.23672/SAE.2024.4.4.018](https://doi.org/10.23672/SAE.2024.4.4.018).
5. Ryzhkov K.S. Uniform interpretation and application of the rules of law in civil and arbitration proceedings: factors of influence. *Antinomii*, 2022, vol. 22, no. 2, pp. 96–113. DOI: [10.17506/26867206_2022_22_2_9](https://doi.org/10.17506/26867206_2022_22_2_9).
6. Kononkova N.V., Badanina A.S. Judicial practice and judicial precedent as sources of law in the legal system of the Russian Federation. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2017, no. 78, pp. 42–47. EDN: [ZNHUUJ](https://elibrary.ru/znhuuu).
7. Krylova I.V., Semenov A.V. Judicial practice in civil and arbitration proceedings (on the example of cases involving customs authorities). *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal*, 2008, no. 3, pp. 132–146. EDN: [KALOYF](https://elibrary.ru/kaloyf).
8. Kovaleva V.V. Court practice in the background of contemporary legal regulation. *Yuridicheskaya nauka*, 2022, no. 1, pp. 15–20. EDN: [JTUBEK](https://elibrary.ru/jtubek).
9. Yarkov V.V. The status of judicial practice in Russia: some questions. *Yuridicheskaya nauka i obrazovanie*, 2008, no. 1, pp. 206–207. EDN: [ELMEBS](https://elibrary.ru/elmebs).
10. Gushchina N.A. Unity of implementing legal regulations and legal views of supreme judicial authority formation on civil cases. *Sovremennoe pravo*, 2014, no. 10, pp. 84–89. EDN: [SVMSVT](https://elibrary.ru/svmsvt).
11. Petrunina A.A. Unity of jurisprudence as a principle of law. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*, 2014, no. 4, pp. 156–160. EDN: [TFAFRX](https://elibrary.ru/tfafrx).
12. Kuchin M.V. The genesis of judicial rulemaking in Russia. *Universum Juris*, 2016, no. 1, pp. 2–5. EDN: [ZUDZBX](https://elibrary.ru/zudzbx).

13. Gaevoy A.I., Lyakh L.A. On the issue of the binding nature of the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation and whether there should be a judicial precedent in the judicial proceedings of Russia: modern problems of theory and practice. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2024, no. 9, pp. 72–79. DOI: [10.24412/2220-2404-2024-9-23](https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-9-23).
14. Rozhkova M.A. Judicial precedent and judicial practice. *Iski i sudebnye resheniya: sbornik statey*. Moscow, STATUT Publ., 2009, pp. 320–353. EDN: [YKALKJ](https://elibrary.ru/ykalkj).
15. Goncharov A.I., Kvitsiniya N.V. Quasi-provisions of the Supreme Court of the Russian Federation as the “potential” source of civil law. *Tsivilist*, 2024, no. 4, pp. 62–68. EDN: [WRSYLE](https://elibrary.ru/wrsyle).
16. Lepikhina N.V. Interpretation of the norms of law in the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. *Zakonnost i pravoporyadok v sovremennoy obshchestve*, 2016, no. 28, pp. 128–132. EDN: [VOFOSR](https://elibrary.ru/vofosr).
17. Obrazhiev K.V. Judicial interpretation and judicial rule making: questions of correlation. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2010, no. 3, pp. 98–103. EDN: [NDLWLJ](https://elibrary.ru/ndlwlj).
18. Vishnevskiy G.A. Uniform judicial enforcement as a tool to assure rule of law. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2011, no. 2, pp. 8–15. EDN: [PVACWJ](https://elibrary.ru/pvacwj).
19. Lutsenko S.I. Disciplinary responsibility of the judge: infringement of unity of court jurisprudence. *Sovremennoye pravo*, 2020, no. 4, pp. 85–91. DOI: [10.25799/NI.2020.21.29.017](https://doi.org/10.25799/NI.2020.21.29.017).
20. Guk P.A., Korshunova P.V. Unity of judicial practice as the distinctive value of justice. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2020, no. 12, pp. 103–115. DOI: [10.12737/jrl.2020.151](https://doi.org/10.12737/jrl.2020.151).
21. Petrunina A.A. Principle of unity of jurisprudence as a factor of legal culture development. *Pravovaya kultura*, 2015, no. 1, pp. 72–75. EDN: [TLIUSX](https://elibrary.ru/tliusx).

Implementation of the principle of unity of judicial practice in Russian court proceedings

Matvey D. Zimnikov, student

The All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia), Moscow (Russia)

E-mail: zimnikovmatvej8@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0001-6718-7573>

Received 05.11.2024

Revised 02.12.2024

Accepted 16.12.2024

Abstract: Recently, in law enforcement practice, one can increasingly frequently encounter court viewpoints contradicting the norms of substantive and procedural law, which gives rise to an objective necessity of studying and understanding the causes of this phenomenon, as well as developing ways to improve the level of justice in the Russian Federation. The author considers the principle of unity of judicial practice as one of the means, the use of which can neutralize the deviations of courts in the uniform interpretation and application of legal norms. This paper analyzes the key viewpoints existing in the procedural law doctrine, as well as the provisions of the current legislation and numerous judicial practice on the existence and consolidation of the principle of unity of judicial practice. The author gives his own definition of the principle of unity of judicial practice and distinguishes it from the concept of judicial practice uniformity, which acts as a tool for implementing the fundamental principle under consideration. The conducted study allowed concluding on the existence and general binding nature of the principle of unity of judicial practice. Summing up the results of the conducted study, the author substantiates the need for comprehensive legislative changes in order to improve the level of justice in the Russian Federation. In particular, the author proposes to establish directly and consolidate in certain norms of procedural legislation the generally binding nature of provisions contained in resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, resolutions of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, and decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. The introduction of such changes will allow improving the quality of Russian justice, ensuring to a greater extent the principles of the rule of law, equality and adversarial nature of the parties in legal proceedings, as well as increasing the level of stability, fairness, legal certainty and predictability of justice in the Russian Federation, and reducing the burden on higher judicial authorities.

Keywords: principle of unity of judicial practice; judicial practice uniformity; judicial practice; judicial precedent; Supreme Court of the Russian Federation; Constitutional Court of the Russian Federation; general binding nature of judicial practice.

For citation: Zimnikov M.D. Implementation of the principle of unity of judicial practice in Russian court proceedings. *Jus strictum*, 2024, no. 4, pp. 7–13. DOI: [10.18323/3034-2945-2024-4-59-1](https://doi.org/10.18323/3034-2945-2024-4-59-1).

Тольяттинский государственный университет – участник программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», опорный вуз Самарской области, центр инновационного и технологического развития региона.

Создан в 2001 году путем объединения Тольяттинского политехнического института (основан в 1951 году как филиал Куйбышевского индустриального института) и Тольяттинского филиала Самарского государственного педагогического университета (основан в 1987 году).

ТГУ сегодня

- Более 22 000 студентов всех форм обучения.
- 10 институтов, реализующих более 170 программ высшего образования по 25 УГСН, НИИ прогрессивных технологий, Институт ДО «Жигулевская долина», Военный учебный центр.
- 38 центров компетенций с современной материально-технической базой, созданных с 2011 года.
- Аккредитация в 8 системах на стандартные испытания, исследования и инжиниринг.
- Основные направления: передовые цифровые, интеллектуальные производственные технологии, роботизированные системы, новые материалы и способы конструирования, экологически чистая и ресурсосберегающая энергетика, персонализированная медицина, противодействие техногенным угрозам.

Основные достижения ТГУ

- Внедрена сквозная проектная и профессиональная практическая деятельность 100 % студентов-очников бакалавриата/специалитета.
- Реализованы 4 мегагранта по постановлениям Правительства РФ от 09.04.2010 № 219 и № 220 – созданы 3 лаборатории в области физического материаловедения и нанотехнологий (с приглашением ведущих ученых), а также инновационно-технологический центр – преобразован в университетский инновационный технопарк.
- Участник НОЦ мирового уровня «Инженерия будущего».
- Инициатор формирования 8 консорциумов, которые объединили 69 организаций, в том числе 36 вузов, 6 научных партнеров, включая 3 организации Российской академии наук.
- Дважды лауреат премии Правительства Российской Федерации в области качества (2009, 2019).
- Создана Система высшего образования онлайн, продвигаемая под брендом «Росдистант». Проект – победитель конкурса «Проектный Олимп» Аналитического центра при Правительстве РФ в номинации «Управление проектами в системе высшего образования и науки» (2019).

Досудебное уголовное судопроизводство: понятие, сущность, содержание и структура

Кожевников Родион Олегович, аспирант

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: kozhevnikov.rodion@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9700-5915>

Поступила в редакцию 22.11.2024

Пересмотрена 29.11.2024

Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация: В статье представлен критический анализ действующего правового регулирования первой части уголовного судопроизводства, обозначенной в законе как «досудебное производство». Проанализировав нормативно-правовое понятие досудебного производства и составляющие его содержание виды уголовно-процессуальной деятельности – предварительное расследование и уголовное преследование, автор предлагает на уровне закона закрепить правоохранительную направленность досудебного производства и его нацеленность на формирование государственного обвинения посредством раскрытия и расследования преступлений. Это обуславливает новое понимание досудебной части уголовного производства как совокупности административно-следственных видов деятельности, организационно и функционально обособленных от судебного производства. Анализируя содержание предварительного расследования и его тесную объективно существующую связь с оперативно-розыскной деятельностью, автор раскрывает существующее между ними взаимодействие в достижении общих целей по борьбе с преступностью, а также принципиальные различия, проявляющиеся в способах установления обстоятельств совершенного преступления. Если орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, раскрывает преступление, т. е. получает фактическую информацию об обстоятельствах совершенного преступления и совершивших его лицах, то орган предварительного расследования устанавливает обстоятельства преступления посредством собирания достаточной совокупности обвинительных доказательств в порядке, гарантирующем соблюдение конституционных прав и свобод участников уголовного процесса. Полученные результаты позволили определить место и роль органов предварительного расследования в борьбе с преступностью, обозначить цели, достигаемые органом расследования в досудебном производстве, обосновать их исключение из круга участников стороны обвинения и необходимость выделения в досудебном производстве еще одной стадии, логически следующей за предварительным расследованием – стадии уголовного преследования (обвинения), в рамках которой посредством формирования предмета будущего судебного разбирательства – государственного обвинения начинается обвинительная деятельность прокурора в досудебном производстве.

Ключевые слова: досудебное уголовное судопроизводство; уголовное судопроизводство; уголовный процесс; досудебное производство; оперативно-розыскная деятельность; предварительное расследование; надзор прокурора; раскрытие преступлений; расследование преступлений; государственное обвинение.

Для цитирования: Кожевников Р.О. Досудебное уголовное судопроизводство: понятие, сущность, содержание и структура // Jus strictum. 2024. № 4. С. 15–22. DOI: 10.18323/3034-2945-2024-4-59-2.

ВВЕДЕНИЕ

Раскрывая понятие уголовного судопроизводства в п. 56 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), законодатель указывает, что его содержание составляют «досудебное и судебное производство по уголовному делу», объединенные в единый процесс, основанный на общих принципах, имеющих единые цели и задачи и направленный на получение целостного результата. В этой логике выстраивается все уголовно-процессуальное законодательство, включающее в себя разделы, главы и статьи, содержащие положения, в одинаковой мере относящиеся к любой стадии уголовного судопроизводства, и правовые предписания, регламентирующие отдельно досудебное и судебное производство. На первый взгляд используемая законодателем юридическая техника обусловлена смешанным типом российского уголовного судопроизводства, объединяющим в единое целое ро-

зыское (следственное) предварительное расследование и состязательное судебное разбирательство. Однако качество законодательных предписаний и, как следствие, их фактическая реализация не снимают объективно существующие противоречия между досудебной и судебной частями судопроизводства и не удовлетворяют ни законодателя, ни научное сообщество, ни правоприменителей [1; 2].

Попытки усовершенствовать уголовно-процессуальное законодательство, согласовав между собой две принципиально различные части уголовного процесса, досудебную и судебную, проявляются в постоянно вносимых законодателем изменениях и дополнениях, количество которых на сегодняшний день существенно превышает количество статей, содержащихся в УПК РФ. В уголовно-процессуальной науке вопросы качества правового регулирования также постоянно находятся в центре внимания ученых, предлагающих

в этих целях различные решения, такие как использование процессного подхода теории управления [3], применение правового моделирования [4], реформирование понятийной системы уголовного процесса [5], разграничение законодательного регулирования частей судопроизводства [6] и др. При этом большая часть критических высказываний посвящена досудебному производству [7–9], понимаемому, в соответствии с п. 9 ст. 5 УПК РФ, как часть «уголовного судопроизводства с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения по существу». Такое внимание вполне объяснимо, так как именно досудебное производство демонстрирует принципиальные расхождения с основополагающими принципами уголовного судопроизводства, обозначенными в Конституции РФ и УПК РФ.

В качестве решения обозначенных проблем предлагаются различные варианты от введения в досудебном производстве «юридического равенства сторон» путем усиления роли суда так, чтобы весь уголовный процесс превратился в собственно судопроизводство¹, до разграничения понятий «уголовное судопроизводство» и «уголовный процесс» [10], оставления за досудебным производством его традиционно-розыскного, публично-обвинительного характера и перехода «на узкую трактовку уголовного судопроизводства как уголовно-процессуальной деятельности лишь в судебных стадиях» [11, с. 43].

При этом большая часть авторов сходятся в том, что существенные преобразования досудебной части уголовного судопроизводства должны быть основаны на новых идеях [12]. В качестве такой идеи предлагаем взять за основу слова классика российской юриспруденции В.Д. Спасовича, отмечавшего, что для того чтобы «стать на твердую почву закона и не зависеть в наших житейских отношениях от случая, от произвола, мы должны стараться осмыслить закон положительный, подложить под этот закон логические основания, провести сквозь него разумные начала»². Действительно, от того, какие «логические основания» и «разумные начала» будут положены в основу организации досудебного и судебного производства по уголовным делам, зависит в конечном итоге то, каким образом эти производства будут организованы в содержательном и структурном плане. Учитывая, что досудебное производство традиционно ассоциируется с деятельностью следователя, дознавателя, проходящей через две стадии – возбуждение уголовного дела и предварительное расследование, мы сознательно абстрагируемся от стадийной структуры досудебного производства и рассматриваем процессуальную деятельность органа расследования целостно, от получения сообщения о преступлении до окончания предварительного расследования.

Цель исследования – выявить и обозначить логико-правовые основания, объективно обуславливающие включение предварительного расследования и досу-

дебного производства в целом в уголовное судопроизводство, и на этой основе определить понятие, сущность, содержание и структуру досудебного производства, а также его место в системе российского уголовного процесса.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве основных методов исследования использованы формально-логический, логико-юридический и системный методы, позволившие акцентировать внимание на причинно-следственных связях различных видов правоохранительной деятельности, составляющих содержание досудебного уголовного судопроизводства, а также на первопричинах (источках) и формах их взаимодействия в досудебном уголовном производстве.

Исследование правовых предписаний и их интерпретация проведены в следующей последовательности:

1) решена задача определения юридической природы досудебного производства, обозначения его сущности и места в системе других видов правоохранительной деятельности;

2) на основе различий в деятельности субъектов, задействованных в досудебном производстве, обозначены требования к содержанию и структуре досудебного производства и его месту в системе российского уголовного процесса.

На каждом этапе были выстроены логические связи между правовыми явлениями и институтами, составляющими содержание досудебного производства по УПК РФ, и обоснованы объективные предпосылки для изменения уголовно-процессуального регулирования в этой части.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие и содержание досудебной части уголовного судопроизводства

В соответствии со ст. 71 и 72 Конституции РФ государство берет на себя обязательства защищать права и свободы человека и гражданина, обеспечивать безопасность и правопорядок в обществе. Исходя из этих конституционных обязанностей формируется российское законодательство, разрабатываются и принимаются федеральные законы, в том числе законы, регламентирующие полномочия органов государственной власти по раскрытию преступлений и применению мер уголовно-правового воздействия, а именно Федеральные законы «О полиции», «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»), Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, а также учреждаются соответствующие правоохранительные органы, обеспечивающие предупреждение, пресечение и борьбу с преступностью, и органы судебной власти, разрешающие уголовные дела.

Из всего многообразия органов и должностных лиц, задействованных в реализации обозначенных законов, в рамках действующей концепции российского уголовного судопроизводства в качестве участников уголовного судопроизводства, представляющих государство в уголовно-процессуальных отношениях, обозначены лишь органы предварительного расследования, прокурор и суд, обеспечивающие посредством своих полномочий

¹ Смирнов А.В. *Российский уголовный процесс: необходима новая модель // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html.*

² Спасович В.Д. *Избранные труды и речи. Тула: Автограф, 2000. 494 с. С. 16.*

баланс двух общепризнанных направлений уголовно-процессуальной деятельности любого государства – «надлежащей правовой процедуры и контроля над преступностью», наличие которых обосновал Г. Паркер еще в середине прошлого столетия [13], или, другими словами, баланс между правозащитной (защита прав участников) и правоохранительной (борьба с преступностью) сущностью уголовного судопроизводства. Должностные лица других государственных органов, исходя из доктрины уголовного судопроизводства, не являясь участниками уголовного судопроизводства, и, следуя обозначенной логике, не участвуют ни в защите прав граждан, вовлеченных в уголовный процесс, ни в борьбе с преступностью, осуществляемой в уголовном судопроизводстве посредством раскрытия и расследования преступлений.

Однако, в соответствии со ст. 2 ФЗ «Об ОРД», одна из задач органов, осуществляющих ОРД, обозначена как раскрытие преступлений и установление лиц, их совершивших, что опровергает обозначенный выше тезис. Не является исключением и правозащитная составляющая их деятельности. Согласно ст. 14 указанного закона органы, осуществляющие ОРД, обязаны «принимать необходимые меры по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина, собственности, а также по обеспечению безопасности общества и государства», что предполагает обязательное получение судебного решения при ограничении конституционных прав и свобод граждан (ст. 9 ФЗ «Об ОРД»).

Раскрытие преступлений в логике уголовного судопроизводства понимается как установление обстоятельств совершенного преступления, в том числе лиц, его совершивших, что соответствует общеупотребимому значению слова «раскрыть» – обнаружить, сделать известным³. Аналогичный смысл, как видно из текста ФЗ «Об ОРД», придается данному термину в правоохранительной сфере вне уголовного судопроизводства: раскрытие преступлений – это установление обстоятельств совершенного преступного деяния, а также лиц, причастных к его совершению. Следовательно, возлагая на органы, осуществляющие ОРД, задачу раскрытия преступлений и одновременно исключая их из круга участников уголовного судопроизводства, государство исходит из того, что преступления могут раскрываться и раскрываются вне уголовного судопроизводства органами и должностными лицами, осуществляющими ОРД.

Подтверждение данной позиции государства находим в официальной прессе. Действуя по так называемым «горячим следам», оперативные службы правоохранительных органов устанавливают обстоятельства совершенного деяния и всех причастных к его совершению лиц вне уголовного судопроизводства, что наблюдаем по резонансным преступлениям, освещаемым в средствах массовой информации. Так, комментируя деятельность оперативно-розыскных служб МВД России, официальный представитель министерства сообщил, что сотрудники Главного управления уголовного розыска МВД России во взаимодействии с коллегами из Московского уголовного розыска и Межмуници-

пального управления МВД России «Раменское» раскрыли дерзкое и резонансное преступление, задержав в результате оперативно-розыскных мероприятий четверых подозреваемых⁴. И такие публикации не единичны.

Как бы это ни было странно, но данная ситуация вполне объяснима. Борьба с преступностью в форме раскрытия преступлений – это деятельность государственных органов, осуществляемая исключительно вне уголовного судопроизводства. В действующем УПК РФ задача по раскрытию преступлений отсутствует как применительно к следователю, так и к дознавателю. Более того, до 2009 г. термин «раскрытие преступлений» вообще отсутствовал в УПК РФ. Он был введен в связи с включением в текст закона гл. 40.1, регламентирующей производство при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, в рамках которого предусматривалось участие обвиняемого в раскрытии новых преступлений, изблечении и уголовном преследовании новых соучастников (ст. 317.1, 317.5, 317.6 и 317.7 УПК РФ). И в данном контексте на органы расследования полномочия по раскрытию преступлений также не возлагаются. В системном единстве с другими положениями УПК РФ они ориентируют органы расследования на совместную деятельность с органами, осуществляющими ОРД под руководством надзирающего прокурора.

И здесь возникает основной вопрос: если органы, осуществляющие ОРД, раскрывают преступления и устанавливают причастных к ним лиц, а предварительное расследование не направлено на раскрытие преступлений, то какова цель органов предварительного расследования в досудебной части уголовного судопроизводства? Ответ на данный вопрос также содержится в Конституции РФ, определяющей, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в судебном порядке в условиях состязательности и равноправия со стороной защиты и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 49 и 123). Следовательно, чтобы применить к гражданину меры уголовно-правового воздействия, в том числе поставить вопрос о его уголовной ответственности, государство должно в суде в условиях состязательности со стороной защиты доказать суду и гражданскому обществу виновность гражданина. Здесь и появляется потребность в специальных органах государственной власти, полномочных собрать и представить в суд доказательственную информацию в форме, исключающей какую-либо ее недостоверность и искаженность. И это уже другая по содержанию государственная деятельность, целью которой является не столько раскрытие преступлений, которое целесообразно осуществлять по «горячим следам», сколько подготовка доказательств для будущего судебного разбирательства.

Именно с этой целью создаются органы предварительного расследования, которые самостоятельно либо

³ Раскрыть: Толковый словарь Ожегова // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/202054>.

⁴ Сотрудники МВД России раскрыли резонансное преступление: воров задержаны, иконы возвращены в православный храм // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/мвд/structure/1/Glavnie-upravlenija/Glavnoe-upravlenie-ugolovnogo-roziska/Publikacii-i-vistuplenija/item/17277593>.

при сопровождении оперативно-розыскных органов устанавливают обстоятельства совершенного преступления в форме, принципиально отличающейся от деятельности органов, осуществляющих ОРД. Каждое юридически значимое обстоятельство устанавливается органом предварительного расследования посредством собирания достаточной совокупности доказательств, которые можно будет представить в суде, и этим создаются условия для будущего судебного разбирательства. Именно эту деятельность именуют предварительным (досудебным) расследованием преступлений, и мы полагаем, именно в таком аспекте она понимается законодателем. Но и в данном аспекте предварительное расследование нельзя рассматривать в отрыве от раскрытия преступлений: если органы, осуществляющие ОРД, обеспечивают «фактическое раскрытие преступлений», т. е. систематизируют информацию о том, кто, как и каким способом совершил преступление, то органы предварительного расследования обеспечивают «юридическое раскрытие преступлений», т. е. фактическую информацию облачают в юридическую форму будущих судебных доказательств.

Установленный УПК РФ порядок формирования доказательств в досудебном производстве ориентирован на соблюдение конституционных требований об охране и защите прав и свобод человека, вовлекаемого в уголовное судопроизводство. Собирая доказательства в досудебном производстве для их последующего использования в судебном разбирательстве, орган расследования обязан соблюдать установленный порядок судопроизводства, гарантирующий законность и допустимость собранных доказательств и их достаточность для обоснования виновности. Но может ли данное обстоятельство нивелировать правоохранительную сущность предварительного расследования? Полагаем, что нет. Аналогичные правила и процедуры, гарантирующие обязательность соблюдения конституционных положений об охране и защите прав и свобод человека, содержатся во всех законодательных актах, регламентирующих возможность применения мер государственного принуждения, что не исключает правоохранительную направленность деятельности органов, осуществляющих ОРД, или органов полиции.

Сущность и структура досудебного производства

Тесное взаимодействие органов предварительного расследования с органами, осуществляющими ОРД, и их общая нацеленность на «фактическое и юридическое» раскрытие преступлений, т. е. на борьбу с преступностью, очевидны и должны быть отражены в уголовно-процессуальном законодательстве. Правоохранительная сущность предварительного расследования и досудебного производства в целом заключается в следующем. Во-первых, осуществление оперативно-розыскных мероприятий и возбуждение уголовных дел – это реакция государства в связи с обнаружением признаков преступной деятельности, создающей угрозу личной, общественной и государственной безопасности, вытекающая из обязанности государства обеспечивать безопасность и правопорядок в обществе и бороться с преступностью. Во-вторых, эффективность деятельности по установлению обстоятельств совершенного преступления и лиц, его совершивших, как при ОРД,

так и при производстве предварительного расследования существенно выше в условиях розыскных черт и сильных публичных начал, обязательности указаний должностных лиц для граждан, обеспечения тайны расследования и возможности применения мер государственного принуждения. В-третьих, ограничение конституционных прав граждан, вовлекаемых в ОРД или в предварительное расследование, в обоих случаях предусматривает предварительное получение решения суда, контролирующего законность и обоснованность применяемого ограничения. В-четвертых, фактическое раскрытие преступления органом, осуществляющим ОРД, есть лишь предположение, поэтому не имеет никакой юридической силы и не влечет уголовного наказания, но является основанием для производства предварительного расследования, собирания доказательств, достаточная совокупность которых выступит правовым основанием для решения вопроса о начале судебного производства. В-пятых, в соотношении рассматриваемых видов деятельности наблюдается их взаимопроникновение, приводящее к констатации факта совершения преступления и началу уголовного преследования, осуществляемого, по справедливому замечанию одного из классиков российского уголовного процесса И.Я. Фойницкого, исключительно для наказания виновных в порядке уголовного судопроизводства в рамках реализации «уголовно-судной власти» [14].

В таком понимании досудебное производство, демонстрирующее явную правоохранительную сущность, вступает в противоречие с законодательными предписаниями, включающими его в систему уголовного судопроизводства с преобладающей правозащитной направленностью, основанную на принципах состязательности, гласности, равноправия сторон и других судопроизводственных принципах. Необоснованное введение органов предварительного расследования в систему «уголовно-судной власти» (уголовного судопроизводства) нивелирует их правоохранительную сущность и создает трудности в практическом взаимодействии с другими правоохранительными органами. Их исключение из системы органов уголовного судопроизводства позволит (с учетом возложенной на органы расследования функции формирования доказательственной базы для уголовного преследования при строгом соблюдении гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина) им занять свое место в механизме обеспечения национальной безопасности, используя оптимальные формы взаимодействия с иными государственными органами, осуществляющими правоохранительные функции, и с должностными лицами и органами, обеспечивающими уголовное судопроизводство.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Определяя границы досудебного производства в соответствии с п. 9 ст. 5 УПК РФ как «уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу», следует признать, что в этом временном периоде наряду с органами расследования, осуществляющими свою деятельность вместе с органами ОРД, действует и принимает решения от имени государства еще одно должностное лицо – прокурор, который в соответствии с УПК РФ

осуществляет уголовное преследование совместно с органами расследования. Это побуждает нас определить формы взаимодействия органов предварительного расследования и прокурора, учитывая, что они осуществляют уголовное преследование вместе, при этом, если рассуждать логически, каждый из них должен выполнять лишь свою часть функций, не дублируя и не пересекаясь с другим участником. Мы сознательно уходим от анализа надзора прокурора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, так как данный вопрос не входит в предмет нашего исследования.

Как показано выше, орган предварительного расследования начинает свою процессуальную деятельность с момента получения сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ), а завершает ее после окончания расследования, собрав достаточную совокупность доказательств, подтверждающих криминальный либо некриминальный характер совершенного деяния (ст. 158 УПК РФ). Последнее обстоятельство, возможность в ходе расследования прийти к выводу об отсутствии в деянии признаков преступления, характеризует орган расследования в качестве независимого исследователя, всесторонне, полно и объективно фиксирующего юридически значимые обстоятельства, что побуждает, как справедливо отметил С.А. Шейфер, «исключить следователей из числа участников процесса на стороне обвинения и ограничить их деятельность исследовательской функцией»⁵. Взяв за основу тезис об осуществлении органом расследования следственной (исследовательской) функции, наличие которой во второй половине XX в. отметил Р.Д. Рахунов [15] и обосновал А.П. Гуляев [16], следует признать, что органы расследования не только не являются участниками стороны обвинения, но и не могут осуществлять возложенную на них функцию уголовного преследования, так как нацеленность на обвинение не согласуется со следственной функцией, исполнение которой требует объективности и беспристрастности. Сегодня данная концепция находит достаточное число сторонников, отстаивающих объективность и беспристрастность в деятельности органов расследования [17; 18]. Более того, разграничение функций предварительного расследования и уголовного преследования допускается и учеными, ориентированными на судопроизводственный характер уголовного процесса России. Как отмечает А.В. Смирнов, органы расследования при высоком уровне правовой культуры должны быть дистанцированы от процессуальной функции обвинения, занимаясь по мере возможности объективным и непредвзятым расследованием [19].

Исходя из понятия уголовного преследования, представленного в п. 55 ст. 5 УПК РФ, как процессуальной деятельности, направленной на изобличение обвиняемого в совершении преступления, можно сделать вывод, что по смыслу данного термина уголовное преследование начинается, только когда есть понимание, что совершенное деяние является преступлением, установлено лицо, его совершившее, и можно ставить вопрос о применении к нему мер уголовно-правового воздей-

ствия. Такая степень осведомленности появляется при окончании предварительного расследования, когда органом расследования собрана достаточная совокупность доказательств, подтверждающих виновность лица. Напомним, что не всегда результат работы следователя, дознавателя дает начало для уголовного преследования, и чтобы оно началось, орган расследования должен собрать достаточную совокупность обвинительных доказательств, завершить предварительное расследование и передать уголовное дело прокурору, на которого Конституцией РФ возложена обязанность осуществления государственного уголовного преследования.

Прокурор, получив уголовное дело с обвинительным заключением, актом, постановлением, приступает к исполнению возложенной на него функции уголовного преследования (обвинения). Но здесь возникает проблема: какие конкретно полномочия составляют содержание обвинительной функции прокурора, закон не указывает, отмечая лишь, что он полномочен на поддержание государственного обвинения в суде (ч. 3 ст. 37 УПК РФ). Исходя из общего понимания обвинительной функции в уголовном судопроизводстве как деятельности по изобличению и применению к виновным справедливого наказания (ч. 2 ст. 6 УПК РФ), очевидно, что термины «поддержание обвинения» и «уголовное преследование» не синонимичны, они соотносятся как часть и целое. Чтобы поддерживать обвинение в суде, изначально, как верно отмечает С.Б. Россинский, необходимо определить предмет судебного рассмотрения [20], а именно сформировать государственное обвинение. В настоящее время УПК РФ не содержит четких правил данной процедуры. Более того, закрепляет полномочия прокурора по утверждению обвинительного заключения, акта или постановления, полученных от органа расследования (п. 14 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), закон создает иллюзию формирования обвинения органом расследования и нивелирует роль прокурора в решении этой задачи.

Мы полагаем, что органы расследования, обеспечивающие следственную функцию, не могут выступать субъектами, формирующими государственное обвинение, несмотря на то что именно на них возложены полномочия по подготовке обвинительного заключения, обвинительного акта и обвинительного постановления. Во-первых, деятельность органа расследования не является обвинительной, и не всегда результаты деятельности органов расследования вызывают начало уголовного преследования. Во-вторых, полученные ими результаты имеют предварительный характер. Придать результатам предварительного расследования юридическую силу государственного обвинения уполномочен только прокурор, и именно он должен быть обозначен в УПК РФ в таком качестве.

Именно прокурор определяет, быть ли государственному обвинению, с каким содержанием и в каком объеме. Обвинительные полномочия прокурора – важный, если не основной элемент в государственном механизме борьбы с преступностью. Получая результаты предварительного расследования и оценивая их с точки зрения законности, прокурор отвечает на главный вопрос: достаточны ли имеющиеся доказательства для обоснования в суде виновности лица в совершенном преступлении, чтобы он понес справедливое наказание?

⁵ Шейфер С.А. Следственная власть: история и современность // Международная ассоциация содействия правосудию. URL: <https://www.iauaj.net/node/478>.

Если представленные доказательства недостаточны, прокурор возвращает уголовное дело в орган расследования для производства дополнительных следственных действий, влияя тем самым на объем и содержание формируемого им государственного обвинения.

Несмотря на то что роль прокурора как субъекта, формирующего государственное обвинение в досудебном производстве, концептуально в УПК РФ не выделена, отдельные ее элементы нашли свое отражение в законе. Например, п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, закрепляющий полномочия прокурора на «возвращение уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями». Аналогичные нормы действуют и в отношении дознавателей (ст. 226 и 226.8 УПК РФ).

Сформировав государственное обвинение и начав тем самым уголовное преследование, прокурор извещает об этом заинтересованных участников, завершает досудебное производство и направляет уголовное дело в суд. Продолжая осуществлять уголовное преследование в судебной части уголовного судопроизводства, прокурор (либо по его поручению сотрудник прокуратуры) поддерживает обвинение, обосновывая перед судом виновность подсудимого в инкриминируемом преступлении. Если пытаться определить момент завершения уголовного преследования, то очевидно, что он наступает не ранее, чем состоится приговор суда, содержание которого удовлетворит прокурора. Длительность уголовного преследования, поэтапное его осуществление в разных частях и стадиях уголовного судопроизводства накладывают отпечаток на содержание и характер полномочий прокурора, которые не могут быть одинаковыми, что предполагает их детальное закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве применительно к каждой стадии.

Проведенный анализ досудебного производства в части деятельности уполномоченных должностных лиц – органов расследования и прокурора, принимающих решения по движению уголовного дела, показал наличие двух структурно обособленных его частей (стадий), различающихся между собой содержанием, целями и должностными лицами, ведущими производство по уголовному делу, а именно:

- 1) предварительное расследование;
- 2) уголовное преследование (формирование обвинения).

Несмотря на содержательные различия, осуществляемая в каждой части процессуальная деятельность государственного должностного лица характеризуется общей нацеленностью на борьбу с преступностью, что раскрывает правоохрнительную сущность досудебного производства, в рамках которого обеспечивается исполнение государственной обязанности по установлению лиц, совершивших преступления, и создаются условия для применения к ним мер уголовной ответственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поставив в качестве цели исследования выявление логико-юридических оснований, подтверждающих либо опровергающих целесообразность нахождения досу-

дебного производства в системе российского уголовного судопроизводства, мы получили следующий результат: составляющие содержание досудебного производства предварительное расследование и уголовное преследование в части формирования государственного обвинения по своей сущности, содержанию и целям имеют явный правоохрнительный характер, выходящий за пределы законодательно установленных назначения и принципов уголовного судопроизводства.

Законодательное признание правоохрнительной сущности досудебного производства обуславливает необходимость исключения этой части процессуальной деятельности из системы уголовного судопроизводства и введения в научный оборот понятия «уголовный процесс», отличного от понятия «уголовное судопроизводство». В дальнейших исследованиях по данной тематике следует исходить из понимания уголовного процесса как правовой категории, объединяющей в себе два вида уголовно-процессуальной деятельности: административно-следственной уголовно-процессуальной (досудебного производства) и судебной уголовно-процессуальной (судебного производства). При этом только вторая часть уголовного процесса, судебное производство, может называться уголовным судопроизводством.

Выявленные логико-правовые основания, обуславливающие организационное обособление досудебного производства в системе уголовного процесса, должны брать за основу при совершенствовании правового регулирования предварительного расследования и уголовного преследования в части регламентации порядка формирования государственного обвинения. Определяя содержание предварительного расследования как вида уголовно-процессуальной деятельности, законодатель должен учитывать объективно существующую связь между органами предварительного расследования и органами, осуществляющими ОРД, и рассматривать их взаимодействие в рамках общей цели – раскрытия и расследования преступлений. При совершенствовании правового регулирования уголовного преследования следует учитывать, что начинается уголовное преследование в досудебном производстве, посредством формирования прокурором государственного обвинения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнов А.В. Почему России нужен новый Уголовно-процессуальный кодекс // Уголовный процесс. 2014. № 9. С. 74–87. EDN: [SQTHZH](#).
2. Балакшин В.С. Еще три аргумента в пользу принятия нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 3. С. 3–7. EDN: [ZJSPSJ](#).
3. Вершинина С.И., Лазарева В.А. О качестве российского уголовного судопроизводства с позиции системы менеджмента качества // Юридическая наука и правоохрнительная практика. 2023. № 4. С. 51–65. EDN: [BAIYCU](#).
4. Манова Н.С. Модель деятельности прокурора в уголовном процессе: ключевые проблемы и возможности реформы // Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 2. С. 43–50. DOI: [10.15688/le.jvolsu.2022.2.6](#).

5. Лозинский О.И. Уголовный процесс (современная трактовка): понятие и сущность, содержание и форма, цели и задачи // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 5. С. 403–409. EDN: [ZJTOBY](#).
6. Тарасов А.А. Российский уголовный процесс: и инквизиционность, и состязательность // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 10. № 2. С. 64–71. DOI: [10.18287/2542-047X-2024-10-2-64-71](#).
7. Павлик М.Ю., Чабукиани О.А., Шепелева О.Р. Соотношение уголовного преследования и предварительного расследования // Ленинградский юридический журнал. 2022. № 4. С. 148–158. DOI: [10.35231/18136230_2022_4_148](#).
8. Гаврилов Б.Я. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: оценка эффективности и меры по его совершенствованию // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15. № 4. С. 753–765. EDN: [ZKDUYA](#).
9. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М.: НОРМА, 2013. 191 с.
10. Лазарева В.А. Уголовный процесс ≠ уголовное судопроизводство // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 3. С. 11–17. DOI: [10.18287/2542-047X-2023-9-3-11-17](#).
11. Давлетов А.А. О значении термина «судопроизводство» в уголовном процессе современной России // Электронное приложение к российскому юридическому журналу. 2017. № 2. С. 37–43. EDN: [YTUHSL](#).
12. Королев Г. Реорганизация досудебного производства: проблемы и перспективы // Законность. 2008. № 1. С. 6–10. EDN: [LETPGJ](#).
13. Packer H.L. Two Models of the Criminal Process // University of Pennsylvania Law Review. 1964. Vol. 113. № 1. P. 1–68. DOI: [10.2307/3310562](#).
14. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб.: Альфа, 1996. 552 с.
15. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М.: Госюриздат, 1961. 277 с.
16. Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1981. 192 с.
17. Рябинина Т.К. К вопросу о концепции реформирования предварительного расследования // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/2. С. 199–205. EDN: [TFBKTP](#).
18. Николаенко Ю.Б. Реализация функции органа предварительного расследования (следователя) в условиях состязательности сторон в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Вестник Луганской Академии внутренних дел им. Э.А. Дидоренко. 2020. № 2. С. 114–126. EDN: [GZRWLQ](#).
19. Смирнов А.В. Баланс процессуальных функций и формы предварительного расследования // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1. С. 113–120. DOI: [10.33184/pravgos-2024.1.14](#).
20. Россинский С.Б. Система досудебного производства в уголовном процессе Российской Федерации: факторы формирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. № 3. С. 621–642. DOI: [10.21638/spbu14.2021.309](#).

REFERENCES

1. Smirnov A.V. Why Russia needs a new Code of Criminal Procedure. *Ugolovnyy protsess*, 2014, no. 9, pp. 74–87. EDN: [SQTHZ](#).
2. Balakshin V.S. Three more arguments in favor of adopting a new Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2017, no. 3, pp. 3–7. EDN: [ZJSPSJ](#).
3. Vershinina S.I., Lazareva V.A. On the quality of Russian criminal proceedings from the perspective of the quality management system. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2023, no. 4, pp. 51–65. EDN: [BAIYCU](#).
4. Manova N.S. The model of the prosecutor's activities in criminal proceedings: key challenges and opportunities for reform. *Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 43–50. DOI: [10.15688/lc.jvolsu.2022.2.6](#).
5. Lozinskiy O.I. Criminal procedure (modern interpretation): concept and essence, content and form, goals and objectives. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*, 2023, vol. 16, no. 5, pp. 403–409. EDN: [ZJTOBY](#).
6. Tarasov A.A. Russian criminal procedure: both inquisition and adversary. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta*, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 64–71. DOI: [10.18287/2542-047X-2024-10-2-64-71](#).
7. Pavlik M.Yu., Chabukiani O.A., Shepeleva O.R. The ratio of criminal prosecution and preliminary investigation. *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal*, 2022, no. 4, pp. 148–158. DOI: [10.35231/18136230_2022_4_148](#).
8. Gavrilov B.Ya. Criminal Procedural Code of the Russian Federation: evaluation of effectiveness and measures for its improvement. *Penitentiary science*, 2021, vol. 15, no. 4, pp. 868–877. DOI: [10.46741/2686-9764-2021-15-4-868-877](#).
9. Sheyfer S.A. *Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiya sledstvennoy, sudebnoy i prokurorskoj vlasti* [Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of investigative, judicial and prosecutorial power]. Moscow, NORMA Publ., 2013. 191 p.
10. Lazareva V.A. Criminal procedure ≠ criminal justice. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta*, 2023, vol. 9, no. 3, pp. 11–17. DOI: [10.18287/2542-047X-2023-9-3-11-17](#).
11. Davletov A.A. On the meaning of the term “proceedings” in criminal procedure of modern Russia. *Elektronnoe prilozhenie k rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu*, 2017, no. 2, pp. 37–43. EDN: [YTUHSL](#).
12. Korolev G. Reorganization of pre-trial proceedings: problems and prospects. *Zakonnost*, 2008, no. 1, pp. 6–10. EDN: [LETPGJ](#).
13. Packer H.L. Two Models of the Criminal Process. *University of Pennsylvania Law Review*, 1964, vol. 113, no. 1, pp. 1–68. DOI: [10.2307/3310562](#).
14. Foynitskiy I.Ya. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [Criminal procedure course]. Sankt-Petersburg, Alfa Publ., 1996. Vol. 1, 552 p.
15. Rakhunov R.D. *Uchastniki ugolovno-protsessualnoy deyatel'nosti po sovetskomu pravu* [Participants in criminal procedure activities under Soviet law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 277 p.
16. Gulyaev A.P. *Sledovatel v ugolovnom protsesse* [Investigator in criminal procedure]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1981. 192 p.

17. Ryabinina T.K. On the concept of preliminary investigation reform. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 11/2, pp. 199–205. EDN: [TFBKTP](#).
18. Nikolaenko Yu.B. Implementation of the function of the preliminary investigation body (investigator) under conditions of competition of the parties in the criminal proceedings of the Russian Federation. *Vestnik Lugańskoy Akademii vnutrennikh del im. E.A. Didorenko*, 2020, no. 2, pp. 114–126. EDN: [GZRWLQ](#).
19. Smirnov A.V. Balance of procedural functions and form of preliminary investigation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2024, no. 1, pp. 113–120. DOI: [10.33184/pravgos-2024.1.14](#).
20. Rossinskiy S.B. The system of pre-trial proceedings in the criminal proceedings of the Russian Federation: factors of formation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, 2021, vol. 12, no. 3, pp. 621–642. DOI: [10.21638/spbu14.2021.309](#).

Pre-trial criminal proceedings: concept, essence, content and structure

Rodion O. Kozhevnikov, postgraduate student

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E-mail: kozhevnikov.rodion@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9700-5915>

Received 22.11.2024

Revised 29.11.2024

Accepted 09.12.2024

Abstract: The paper presents a critical analysis of the current legal regulation of the first part of criminal proceedings indicated in the law as pre-trial proceedings. Having analyzed the legal and regulatory concept of pre-trial proceedings and the types of criminal-procedural activity that make up its content – preliminary investigation and criminal prosecution – the author proposes to enshrine the law enforcement orientation of pre-trial proceedings and its focus on the formation of state prosecution through the investigation and disclosure of crimes. This determines a new understanding of the pre-trial part of criminal proceedings as a set of administrative and investigative activities that are organizationally and functionally separate from judicial proceedings. Analyzing the content of the preliminary investigation and its close objectively existing connection with domestic intelligence activities, the author reveals the interaction existing between them in achieving common goals in the fight against crime, as well as the fundamental differences manifesting themselves in the methods of identifying the circumstances of the crime committed. If the body carrying out domestic intelligence activities solves a crime, i.e. receives actual information about the circumstances of the crime and the persons who committed it, then the preliminary investigation body identifies the circumstances of the crime through collecting a sufficient cumulative accusatory evidence in a way guaranteeing the respect for the constitutional rights and freedoms of the participants in the criminal process. The results of the study allowed determining the place and role of preliminary investigation bodies in the fight against crime, identifying the goals achieved by the investigation body in pre-trial proceedings, justifying their exclusion from the circle of participants in the prosecution and the need to single out one more stage in pre-trial proceedings logically following the preliminary investigation – the stage of criminal prosecution (accusation), within the framework of which the prosecutor's accusatory activity in pre-trial proceedings begins through the formation of the subject of future legal proceedings – the state prosecution.

Keywords: pre-trial criminal proceedings; criminal proceedings; criminal procedure; pre-trial proceedings; domestic intelligence activities; preliminary investigation; prosecutor's supervision; crime disclosure; crime investigation; state prosecution.

For citation: Kozhevnikov R.O. Pre-trial criminal proceedings: concept, essence, content and structure. *Jus strictum*, 2024, no. 4, pp. 15–22. DOI: [10.18323/3034-2945-2024-4-59-2](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию «Основы теории юридической аномии»
Д.А. Липинского, А.В. Малько, А.А. Иванова, Р.С. Маркунина
под ред. д-ра юрид. наук., проф. Д.А. Липинского
(Основы теории юридической аномии: монография / Д.А. Липинский, А.В. Малько, А.А. Иванов,
Р.С. Маркунин ; под ред. Д.А. Липинского. М.: РИОР, 2024. 407 с.)

Макарейко Николай Владимирович, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры административного права и процесса
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород (Россия)

E-mail: makareiko_nik@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8335-9056>

Поступила в редакцию 18.11.2024

Пересмотрена 05.12.2024

Принята к публикации 09.12.2024

Высокая динамика юридических явлений и процессов ставит на повестку дня необходимость их своевременного предвидения и последующего формирования рекомендаций по их должному упорядочению. Результатом должно стать стимулирование позитивных тенденций и купирование негативных проявлений в правовой сфере. Перед юридической наукой стоит задача по выявлению государственно-правовых закономерностей, которые должны быть учтены субъектами, осуществляющими правотворчество, толкование права, систематизацию законодательства, правореализацию. Вместе с тем внимание правоведов в ряде случаев носит избирательный характер, результатом чего выступает возникновение соответствующих доктринальных пробелов. Это в полной мере относится к юридической аномии. В связи с этим монографию «Основы теории юридической аномии», изданную под редакцией профессора Д.А. Липинского [1], следует признать весьма своевременным, высокоактуальным, обладающим очевидным научным и практическим потенциалом исследованием.

Вопросы аномии изначально получили освещение в работах социологов. Представители данного направления научного знания были озабочены проблемой обусловленности отклоняющего поведения, что вызвано конфликтом между культурой и социальными нормами [2; 3]. С учетом междисциплинарного статуса аномии данное явление выступило объектом изучения философии, психологии, политологии и других наук. Такое положение во многом объясняется тем, что аномия выступает важным компонентом теории социальных отклонений. В связи с этим возникает закономерный вопрос, как могло случиться, что аномия не оказалась прочно встроенным в правовой тезаурус элементом?

Между тем вопросы обеспечения правопорядка и безопасности объективно предполагают формирование целостной концепции юридической аномии. Не случайно данное явление непосредственным образом связано с причинами правонарушений, в т. ч. обладающих высокой степенью общественной опасности, причиняющих существенный урон общественным отношениям (геноцид, терроризм, экстремизм, коррупция и др.). Можно разделить мнение авторов монографии о связи юридической аномии с утратой ценностей права, его составных элементов, нежеланием субъектов

права сверять свое поведение с требованиями правовых предписаний. «Юридическая аномия проявляет себя в виде упадка ценности законности и правопорядка, несоответствием целей общества и средств их достижения, предлагаемых государством, отсутствием доверия между обществом и органами публичной власти, устойчивым правовым нигилизмом. При юридической аномии субъект, совершая свои деяния, не считает нужным сверять их с действующей системой нормативных установок, демонстрируя тем самым свое пренебрежительное к ним отношение» [1, с. 15].

Важно учитывать, что юридическая аномия не ограничивается исключительно правовой сферой. Она оказывает негативное воздействие на ряд других явлений, которые находятся за границами права. Речь идет прежде всего о культуре, общественном сознании. В этой связи авторским коллективом реализован комплексный подход при освещении заявленной проблемы.

Монография состоит из введения, шести глав, объединяющих двадцать два параграфа, заключения и приложения.

Первая глава носит вводный характер. В вводной части указывается, что с учетом избранной темы использованы следующие методы: диалектический, системный, логический, аксиологический, структурно-функциональный, статистический, формально-юридический, структурно-правовой, сравнительно-правовой (с. 16–22). Вместе с тем данный перечень значительно богаче, о чем свидетельствует текст монографии. Можно констатировать, что при решении исследовательских задач были задействованы исторический, лингвистический, интерпретационный, прогнозирования, юридического конструирования, политико-правового моделирования, культурологический и другие методы и приемы. Важно, что при этом авторы исследования не пошли по ошибочному пути формирования очередного определения понятия, а использовали оптимальный познавательный инструментарий для выявления закономерностей, присущих изучаемому явлению. При исследовании понятия правовой аномии авторы пошли по традиционному, апробированному пути – пути выделения и изучения соответствующих признаков, свойственных заявленному явлению. Убедительность авторской позиции во многом обусловлена использованием социологических,

психологических, политологических источников. Важно, что не отрицается связь юридической аномии с ее политической, социальной разновидностями, а также другими видами юридической девиации (с. 38).

Завершается первая глава освещением концепции юридической аномии в отечественной и зарубежной правовой мысли. С учетом неразвитости указанной проблематики в отечественной теории права, о чем свидетельствуют отдельные разрозненные публикации, основное внимание было направлено на зарубежные исследования. Принимаемая во внимание неоднородность существующих подходов, прежде всего в социологии, концепции аномии были сведены в следующие группы: 1) законодательные; 2) лингво-юридические; 3) государственно-правовые; 4) «криминологические»; 5) виктимологические; 6) статусные; 7) культурно-дихотомические; 8) международно-коллизонные; 9) основанные на исследовании проблематики и развития современных технологий (с. 44–53). При этом отмечается, что юридическую аномию зарубежные авторы глубинно не исследуют, а акцентируют внимание на социальной аномии. Они отказываются от формулирования соответствующего определения понятия, а проводимые ими исследования во многом носят прикладной характер. В них юридическая аномия связывается с кризисными явлениями, происходящими в обществе; акцентируется внимание на микроуровне, но при этом не исключается ее проявление на макроуровне. Наряду с этим указывается, что отечественные правоведы, невзирая на различия в терминологии, как и их зарубежные коллеги, выделяют три основных компонента правовой аномии: институциональный, правореализационный, в сфере правовой культуры.

Вторая глава посвящена рассмотрению роли юридической аномии в правовой жизни общества. С учетом неоднозначности восприятия научной общественностью таких понятий, как «правовая жизнь», «правовое пространство», значительное внимание уделяется заочной полемике с оппонентами, которые не разделяют мнение авторов монографии о возможности употребления в научном обороте вышеуказанных терминов. Обращает на себя внимания корректность, с которой авторы дискутируют с оппонентами, например с автором [4]. При этом приводится веская аргументация не только из области правоведения, но и из философской, социологической литературы. Краткий исторический экскурс позволил авторам монографии обнаружить использование термина «правовая жизнь» дореволюционными правоведом (с. 67). Важно, что указанная терминология используется в действующем законодательстве, а также в лексиконе высших должностных лиц государства, что свидетельствует об определенном обновлении понятийного аппарата отечественного правоведения. В этой связи под единым правовым пространством России предлагается понимать «обусловленное принципом верховенства закона определенное состояние согласованности нормативных правовых актов, действующих на территории России и обеспечивающих реализацию, прежде всего, общегосударственных интересов» [1, с. 61].

На протяжении всего текста рецензируемого издания авторы стараются быть реалистами и отмечают, что правовое пространство не может быть абсолютным

идеалом, а содержит определенные противоречия, отклонения, дефекты. Они могут иметь различную природу, интенсивность, направленность, однако нужно стремиться к их обнаружению и последующему устранению, принятию мер по недопущению в будущем. Утверждается органичная связь между правовым пространством и правовой жизнью: «Тем самым единое правовое пространство задает определенный тон для течения правовой жизнедеятельности общества. Другими словами, если правовое пространство становится все более единым, то и правовая жизнь протекает в нормальном ритме, она упорядочивается. Если же наоборот, то правовая жизнь начинает сбивать, в ней появляется больше хаоса» [1, с. 62].

Необходимо отметить, что еще во введении была отмечена связь между юридической аномией и национальной безопасностью (с. 8). Данная взаимосвязь проходит красной нитью через всю монографию. Состояние безнормия, вне всякого сомнения, существует всегда. Другой вопрос, что при определенных обстоятельствах оно достигает такой остроты, когда на повестке дня встает проблема сохранения государственного суверенитета, территориальной целостности, государственности в целом. В настоящее время происходят «тектонические» сдвиги в существующем миропорядке. Они, вне всякого сомнения, коснутся каждого отдельного государства, и противостояние современного «цивилизованного мира» и России является наглядным тому подтверждением.

Истоки юридической аномии во многом изначально заложены в самой правовой системе. С одной стороны, правовая система должна быть в определенной мере консервативна, гарантировать стабильность, прогнозировать упорядочения общественных отношений, с другой – объективно отражать происходящие изменения, обладать определенной динамикой, а также предвидеть соответствующие трансформации, что требует точного юридического прогноза, соединенного с опережающим правотворчеством. Особое обострение юридической аномии происходит на переломных этапах общественного развития. Не случайно в 90-е гг. XX в. она поразила все стороны правовой жизни российского общества (с. 71). Важно, что природа юридической аномии рассматривается не в изоляции, а в органической взаимосвязи с экономикой, политикой, культурой, религией, демографией и другими явлениями. Ее обострение происходит, когда возникают существенные сдвиги в различных сферах общественной жизни.

Следует признать, что аномичные процессы, происходящие в духовно-нравственной сфере российского общества, оказали негативное влияние на его правовую жизнь. Культивирование однополых браков, реакционная пропаганда ЛГБТ-идеологии, отказ от полового деления в пользу гендерной дифференциации, игнорирование религиозных ценностей стали серьезной дезорганизующей тенденцией, мощным антистимулом социального поведения и повлекли за собой рост правонарушений различной степени общественной опасности (с. 77).

Было бы очевидным заблуждением ограничивать юридическую аномию исключительно рамками правового пространства отдельного государства. Она не имеет границ и в этой связи получила широкое распростра-

нение в международно-правовой жизни общества. Происходящий процесс глобализации во многом связан с аномией, ее проявлениями во многих сферах общественной жизни. В этих условиях международное право вместо средства обеспечения межгосударственного компромисса становится инструментом проведения воли отдельных государств, межгосударственных объединений [5]. Вместо прочного миропорядка происходит его разрушение, дезорганизация и дестабилизация международных отношений, хаос и беспорядок.

Построение однополярного мира, игнорирование общепризнанных принципов и норм международного права, подмена их разовыми правилами не позволяют гармонизировать международные отношения, сочетать национальные и интернациональные интересы. Не уменяя роли высоких международных стандартов в области прав человека, охраны окружающей среды, труда, других областях, в ряде ситуаций наблюдаем игнорирование внутригосударственных интересов. Следует признать объективность оценки авторами монографии роли международного права в воздействии на внутригосударственное право. «При многовекторном взаимодействии российской правовой системы с международной важно, с одной стороны, чтобы первая система содействовала развитию второй и способствовала минимизации в ней аномичных явлений... С другой же стороны, значимым моментом выступает установление в отечественной правовой системе механизмов, препятствующих попаданию в нее норм международного права или иных компонентов международной правовой системы, противоречащих Конституции РФ и вызывающих так или иначе элементы "внутригосударственной" юридической аномии» [1, с. 94].

Значительную содержательную нагрузку заключает в себе третья глава монографии, где юридическая аномия рассматривается в институциональном ключе, а также в качестве правореализационного компонента правовой системы. Одно из проявлений юридической аномии заключается в несогласованности системы норм и ценностей, существующих как в обществе, так и в сознании отдельных субъектов права. Особую остроту представляет игнорирование конституционных ценностей [6]. Следует признать, что для теории аномии большое значение имеет несоответствие между целями и средствами их достижения, которых в ряде ситуаций недостаточно. В этой связи делается закономерным акцент на аксиологическую составляющую права (с. 96–105). При этом обращается внимание на отсутствие единого законодательного подхода при закреплении целей в российском законодательстве, что требует качественного толкования. Наряду с этим отмечается роль такого акта стратегического планирования, как стратегия. Именно в данных актах должны быть заключены те основополагающие магистральные идеи, которые необходимо реализовать в определенной перспективе. Обращает на себя внимание тот факт, что убедительность авторской аргументации основывается на действующем законодательстве, статистических данных, использовании потенциала метода сравнительного правоведения. Закономерно отмечается, что юридическая аномия в правотворческой деятельности негативно сказывается на качестве принимаемых нормативных правовых актов и, как результат, приводит к ограничению прав и сво-

бод человека и гражданина, национальной безопасности, снижает легитимность принимаемых законов (с. 131–132).

Формирование нормативных правовых предписаний, осуществляющееся в ходе правотворческой деятельности, имеет принципиальное значение, так как именно субъект правотворчества предопределяет тот алгоритм, которому должны в дальнейшем следовать участники общественных отношений. Высока динамика действующего законодательства, которая в ряде случаев имеет субъективный характер и является стимулом юридической аномии. В то же время юридическая аномия связывается с неурегулированностью возникающих в обществе отношений, что должно активизировать законотворческую деятельность. При этом делается важное уточнение, что «сама эта деятельность, однако, должна быть свободна от проявлений аномии, характеризоваться конституционностью, определенностью и системностью» [1, с. 157].

Закономерным является рассмотрение низкого качества законотворчества, а точнее, его результатов, как фактора, который усиливает юридическую аномию [7]. Авторская практика подтверждается актами высшего органа конституционного контроля (с. 160–170). Деятельность Конституционного Суда РФ позволяет осуществлять действенный контроль за конституционностью наиболее значимых нормативных правовых актов. Вместе с тем следует понимать, что такая деятельность не может осуществляться в инициативном порядке, а требует обращения соответствующих субъектов в орган конституционного контроля в порядке, определенном ст. 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹.

Принимая во внимание роль такого дефекта законодательства, как пробельность, закономерно рассматривать его в качестве фактора, обуславливающего юридическую аномию. Не случайно данная проблематика традиционно исследуется правоведами [8]. Причиной возникновения названного недостатка законодательства выступает не только высокая динамика общественных отношений, но и изменение соотношения между социальными регуляторами. Авторами поднимается важная проблема установления доверительных отношений между обществом и государством. Игнорирование такого подхода в ряде ситуаций выступает в качестве основания юридической ответственности (с. 175–178). Очевидно, что в этом случае речь должна идти об ответственности государства за результаты своей деятельности, что имеет принципиальное значение при формировании правового государства и движении по пути формирования гражданского общества.

При исследовании заявленной темы используется перспективный подход, а именно рассмотрение парных категорий, в качестве которых выступают регламентированность/зарегламентированность. В этой связи важно, что не только пробельность, но и зарегулированность являются факторами, стимулирующими юридическую аномию. Весьма сложно добиться установления оптимального объема нормативных правовых актов. Субъект правотворчества допускает не только запаздывание

¹ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6650>.

в нормативном праве регулировании, но и экспансию норм права в те области нормативного регулирования, которые выступали объектом других социальных регуляторов. В этой связи упорядочение общественных отношений не только усложняется, но и становится неэффективным, приводящим к нарушению прав и ограничению свобод граждан и их объединений. Наряду с этим оказывается негативное влияние на функционирование государственного механизма, его отдельных элементов. При этом не только снижается эффективность государственного управления, но и в ряде ситуаций нарушается законность. Признавая связь между регламентированностью и зарегламентированностью правоотношений, авторы приходят к закономерному выводу, что «оба явления, по причине комплексного характера своего влияния на общественную жизнь, могут использоваться как в качестве средства борьбы с юридической аномией в обществе, так и выступать фактором, усиливающим ее» [1, с. 188].

Займствование зарубежных правовых ценностей и конструкций в национальные правовые системы является распространенным опытом. Такой подход позволяет избежать дополнительных затрат по поиску и применению наиболее эффективных правовых инструментов, гармонизировать отечественную и зарубежную правовые системы. Наряду с положительными моментами такого займствования возникают и существенные риски. Особенно опасно использовать зарубежный, пусть и положительный, опыт путем механического переноса эффективных зарубежных практик без учета отечественных правовых реалий. «Слепое» поклонение зарубежному правому опыту в 90-е гг. XX в. обернулось разбалансированностью правового регулирования в ряде отраслей права, что во многом объясняется несовместимостью использования правовых институтов различных правовых семей, прежде всего англо-саксонской с ее доминированием прецедентного права, что можно наблюдать на примере уголовного судопроизводства, технического регулирования.

Следует согласиться с авторами, что имплементация положительных правовых идей и конструкций в условиях происходящих процессов глобализации вполне закономерна. При этом важно апробирование займствований в локальных условиях для подтверждения обоснованности выбранного пути. Наряду с этим недопустимо «слепое» (механическое) копирование зарубежного правового опыта, что является очевидным фактором стимулирования юридической аномии (с. 201).

Наличие самого совершенного законодательства не исключает юридическую аномию. Именно реализация права показывает, в какой степени нормативные правовые предписания были реализованы на практике, получили свое отражение в поведении субъектов права. В работе показана связь юридической аномии с различными формами реализации права (с. 201–209).

Юридическая аномия, будучи антикультурным явлением, находится в прямой связи с рассогласованием ценностно-нормативных оснований права, которые, в свою очередь, имеют значение для правовой культуры и правового сознания. Юридическая аномия, пронизывая все элементы правовой системы, негативным образом сказывается на состоянии правовой культуры

и правового сознания. В этой связи четвертая глава является логически обусловленным решением в плане освещения заявленной темы. Успешному изложению данной части работы во многом способствовало установление связи между юридической аномией и различными формами деформации правовой культуры (правовой инфантилизм, антикультура, правовая контркультура, правовой нигилизм, правовой идеализм). В этой связи делается вывод, что «юридическую аномию необходимо рассматривать в качестве категории, характеризующей одно из состояний правовой культуры, – процесс ее распада. Юридическая аномия описывает такое состояние общества, в котором старые нормы и ценности уже не действуют, а новые еще не разработаны или не могут функционировать» [1, с. 238].

Важно, что при рассмотрении взаимосвязи юридической аномии и правосознания анализируется воздействие на составляющие ее компоненты, а именно на рациональный, эмоциональный и ценностный. При этом важно учитывать, что правовое сознание претерпевает соответствующую трансформацию, которая носит разнонаправленный характер². Такой подход позволяет более глубоко проникнуть в сущность рассматриваемой проблематики. В дальнейшем авторы приходят к выводу о влиянии юридической аномии на все элементы правового сознания (с. 257).

Необходимо отметить, что в основу выводов по результатам проведенного исследования положены не только существующие доктринальные подходы, действующее законодательство, правореализационная практика, но и социологические замеры. Об этом можно судить по результатам проведенного анкетирования. Форма анкет, а главное, полученные результаты представлены в приложении. Следует признать оправданным выяснение мнений респондентов в отношении как правового сознания, так и юридической аномии, что обусловлено авторской позицией о наличии органической связи между указанными явлениями, как было отмечено ранее (с. 257–277).

Деструктивное влияние юридической аномии не ограничивается правовой культурой, правовым сознанием, но негативно сказывается на юридической практике. Наряду с этим не следует исключать воздействие на правовую систему и неправовых факторов, которые в ряде ситуаций могут не только конкурировать с юридической аномией в плане негативного влияния, но и превосходить их. Речь идет о политике, экономике, культуре, религии, количестве и составе населения и др. В зависимости от конкретной ситуации они могут отличаться по силе, носителям, последствиям, могут усиливать юридическую аномию. С учетом этого необходимо консолидировать усилия по недопущению усиления юридической аномии. При этом данная деятельность должна носить не эпизодический, а постоянный и комплексный характер и, как результат, затрагивать наряду с правосознанием правотворчество и правореализацию (с. 290). Следует отметить, что в орбиту противодействия юридической аномии должна быть включена правоинтерпретационная и правосистематизирующая деятельность.

² Фролов А.Н. *Механизм влияния трансформированного правосознания на содержание и реализацию права в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018. 24 с. EDN: [MITTFB](#).*

Юридическая аномия имеет очевидную отраслевую специфику, что обусловило изложение соответствующего материала в пятой главе. Авторское внимание было сфокусировано на нормах отраслей конституционного, уголовного, административного и гражданского права. Такой выбор вполне очевиден и обусловлен их ролью в российской правовой системе.

В частности, исследование проблем юридической аномии при реализации конституционно-правовых норм дало возможность выявить следующие виды противоречий. «Во-первых, это противоречие между фактической и юридической конституцией. Во-вторых, между отдельными конституционными нормами. В-третьих, между нормами конституционного и другими отраслями российского права. В-четвертых, между формированием правовых позиций Конституционным судом РФ, фактическим восприятием им концепции "живой конституции" с одной стороны и фундаментальными особенностями романо-германской правовой семьи, к которой относится отечественная правовая система, с другой» [1, с. 303]. Значимость данного фрагмента во многом обусловлена базовым статусом конституционно-правовых норм, а также проводимым процессом реформирования конституционного строительства. Принципиальное реформирование конституционного законодательства в конце XX в., которое проходило в условиях дефицита времени, повлекло за собой безосновательное заимствование зарубежных правовых конструкций. Необоснованное импортирование правовых идей, несвойственных российской правовой системе, привело к определенным конфликтам, снижению легитимности принимаемых законов, признанию их несправедливыми (с. 306). В частности, отказ от официальной государственной идеологии (ч. 2 ст. 13 Конституции РФ³) породил на несколько десятилетий своеобразный идеологический вакуум, который оказал негативное влияние на состояние правового сознания, стал стимулом юридической аномии (с. 325–328).

Уголовно-правовое принуждение обладает наиболее существенным правоограничительным потенциалом и требует максимально ответственного подхода со стороны законодателя при реформировании уголовного закона⁴. В этой связи рассмотрение специфики юридической аномии в уголовном праве видится вполне закономерным. Признавая объективный факт внесения меньшего числа изменений в действующий УК РФ по сравнению с НК РФ и КоАП РФ, необходимо отметить, что непродуманные, неаргументированные изменения в уголовный закон чреваты существенными негативными последствиями. Уникальное отечественное уголовное правовое наследие, которое было наработано в дореволюционный и советский периоды, в ряде случаев было предано забвению в угоду принципам и нормам международного права, «слепому» заимствованию зарубежных уголовно-правовых конструкций, которые негативно сказались на уголовно-

правовой охране (с. 346). Российской уголовно-правовой традиции присуща отличная от зарубежного восприятия цель уголовного права – «восстановление социальной справедливости». Очевидно, что ее достижение должно осуществляться на основании отечественного восприятия указанной ценности (справедливости), а не путем заимствования неких зарубежных стандартов. В то же время авторы отмечают, что в отличие от других отраслей права отечественное уголовное право в меньшей степени подверглось заимствованию иностранных концепций, понятийного аппарата, уголовно-правовых конструкций, но строится на достижениях российской уголовно-правовой науки (с. 356).

При освещении административно-правовой аномии авторы монографии в значительной степени ограничили предмет исследования, остановившись на административно-деликтном законодательстве. Такой выбор может быть объяснен проведением третьей кодификации законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях, а также наибольшей интенсивностью применения административной ответственности в системе юридической ответственности. Очевидно, что высокая динамика рассматриваемого сегмента российского законодательства, дефицит актов официального толкования, отсутствие в ряде ситуаций единой правоприменительной практики способствуют юридической аномии (с. 361).

Завершается данная глава рассмотрением гражданско-правовой аномии. Гражданское законодательство претерпело наиболее существенную трансформацию в силу изменения государственной политики по отношению к собственности и развития других базисных отношений, выступающих объектом гражданско-правового регулирования. Данная тенденция сохраняется и в настоящее время. Об этом свидетельствует развитие авторского права, культивирование цифровых отношений. Следует присоединиться к мнению, что в качестве главного условия преодоления гражданско-правовой аномии выступает формирование уверенности граждан в личной безопасности в сфере гражданского оборота, стабильной практики государства по реализации мер гражданско-правовой защиты (правовосстановление) (с. 366).

Завершающая глава монографии посвящена правовой политике России в сфере противодействия юридической аномии. Наличие данной части работы вполне закономерно и обусловлено востребованностью формирования и последующего воплощения в правовой сфере жизни научно обоснованной, последовательной, комплексной деятельности органов публичной власти, их должностных лиц, институтов гражданского общества, направленной на формирование и реализацию эффективного механизма правовых средств противодействия юридической аномии. В этой связи предлагается разработать Концепцию российской правовой политики в сфере противодействия юридической аномии, которая выступит в качестве специального доктринального документа. Принципиально важно, что авторы не ограничиваются констатацией факта необходимости разработки указанного документа стратегического планирования, а предлагают его краткую редакцию. В Концепции предусматривается изложить соответствующие цели, задачи, приоритеты, средства решения обозначенных выше проблем (с. 376). В развитие авторского содержания указанного доктринального

³ Конституция Российской Федерации. Новая редакция: с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 года: с комментариями Конституционного суда РФ. М.: Проспект, 2022. 116 с.

⁴ Шевелева С.В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 46 с. EDN: ZPOAPX.

документа предлагается его структура с кратким изложением содержательных элементов (с. 377–390).

В заключении монографии в концентрированном виде представлены полученные результаты, которые обобщили итоги, изложенные в отдельных главах и параграфах. В приложениях в цифровом и визуализированном форматах показаны результаты анкетирования.

Следует отметить, что монография написана хорошим литературным языком. При этом материал излагается в полемическом ключе, авторы ведут заочную дискуссию с другими исследователями, последовательно и аргументированно отстаивают свои позиции, основываясь на действующем законодательстве, сложившейся правоприменительной практике и, что весьма значимо, перспективах познания юридической аномии. Освещенная проблема является новой для отечественной юридической науки. Не случайно в названии речь идет не о теории, а об основах теории юридической аномии. Внимательный читатель обнаружит, что многие важные аспекты заявленной проблематики изложены в постановочном ключе и ожидают своих заинтересованных исследователей. Познание заявленной темы должно идти по пути установления и обоснования как теоретико-правовых, так и отраслевых закономерностей, собственных юридической аномии. Считаем, что данная монография станет определенным катализатором, который активизирует исследовательский интерес к изучению заявленной проблемы.

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что монография «Основы теории юридической аномии», подготовленная авторским коллективом кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета, является высокоактуальным, отличающимся новизной, очевидным доктринальным, прикладным и дидактическим потенциалом научным произведением. Очевидно, она найдет свою заинтересованную аудиторию и получит положительную оценку. Пожелаем авторскому коллективу продолжения творческого исследования проблемы юридической аномии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Липинский Д.А., Малько А.В., Иванов А.А., Маркунин Р.С. Основы теории юридической аномии. М.: РИОР, 2024. 407 с.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 430 с.

3. Orru M. Weber on Anomie // *Sociological Forum*. 1989. Vol. 4. № 2. P. 263–270. DOI: [10.1007/BF01112425](https://doi.org/10.1007/BF01112425).
4. Баранов В.М. «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника. М.: Блок-принт, 2022. 176 с. EDN: [QIZBRQ](https://edn.ru/QIZBRQ).
5. Кавецкий С.Т. Современная аномия: структура, уровни, категории, измерение // *Вестник Брестского университета*. Серия 1: Философия. Политология. Социология. 2020. № 2. С. 135–139. EDN: [HDWGLV](https://edn.ru/HDWGLV).
6. Маврин С.П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе // *Журнал конституционного правосудия*. 2012. № 3. С. 1–13. EDN: [PGPBTN](https://edn.ru/PGPBTN).
7. Осипов М.Ю. Качество российского законодательства как ключ к повышению его эффективности // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2016. № 4. С. 88–95. EDN: [XDDCYT](https://edn.ru/XDDCYT).
8. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М.: НОРМА, 2024. 184 с.

REFERENCES

1. Lipinskiy D.A., Malko A.V., Ivanov A.A., Markunin R.S. *Osnovy teorii yuridicheskoy anomii* [Fundamentals of the theory of legal anomie]. Moscow, RIOR Publ., 2024. 407 p.
2. Dyurkgeym E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On the division of social labor]. Moscow, Kanon Publ., 1996. 430 p.
3. Orru M. Weber on Anomie. *Sociological Forum*, 1989, vol. 4, no. 2, pp. 263–270. DOI: [10.1007/BF01112425](https://doi.org/10.1007/BF01112425).
4. Baranov V.M. “*Pozitivnaya yuridicheskaya otvetstvennost*”: *spornyy kontsept, mnimaya praktika, virtualnaya tekhnika* [“Positive legal responsibility”: controversial concept, imaginary practice, virtual technique]. Moscow, Blok-print Publ., 2022. 176 p. EDN: [QIZBRQ](https://edn.ru/QIZBRQ).
5. Kavetskiy S.T. Modern anomie: structure, levels, categories, dimension. *Vestnik Brestskogo universiteta. Seriya 1: Filosofiya. Politologiya. Sotsiologiya*, 2020, no. 2, pp. 135–139. EDN: [HDWGLV](https://edn.ru/HDWGLV).
6. Mavrin S.P. Constitutional values and their role in the Russian legal system. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2012, no. 3, pp. 1–13. EDN: [PGPBTN](https://edn.ru/PGPBTN).
7. Osipov M.Yu. Quality of the Russian legislation as a key to increasing its efficiency. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2016, no. 4, pp. 88–95. EDN: [XDDCYT](https://edn.ru/XDDCYT).
8. Lazarev V.V. *Probely v prave i puti ikh ustraneniya* [Gaps in law and ways to eliminate them]. Moscow, NORMA Publ., 2024. 184 p.

REVIEW

of the manuscript “Fundamentals of the theory of legal anomie”

by D.A. Lipinskiy, A.V. Malko, A.A. Ivanov, R.S. Markunin edited by Doctor of Sciences (Law), Professor D.A. Lipinskiy

(Lipinskiy D.A., Malko A.V., Ivanov A.A., Markunin R.S. *Osnovy teorii yuridicheskoy anomii* [Fundamentals of the theory of legal anomie]. Moscow, RIOR Publ., 2024. 407 p.)

Nikolay V. Makareyko, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor,
professor of Chair of Administrative Law and Procedure
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod (Russia)

E-mail: makareiko_nik@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8335-9056>

Received 18.11.2024

Revised 05.12.2024

Accepted 09.12.2024

О некоторых правовых последствиях принятия исполнения от контрагента по договору

Маштаков Игорь Владимирович, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: i.mashtakov@tltu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3797-9158>

Поступила в редакцию 18.11.2024

Пересмотрена 29.11.2024

Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация: Настоящее исследование построено вокруг тех положений Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), которые являются примерами применения в гражданском обороте правила о запрете противоречивого и непоследовательного поведения его участников. Проанализированы отдельные нормы ГК РФ, когда запрет на такое поведение связан с разрешением спора между сторонами относительно факта заключенности договора (п. 3 ст. 432 ГК РФ), его недействительности (п. 2 ст. 431.1 ГК РФ), а также возможности применения права на отказ от договора (п. 5 ст. 450.1 ГК РФ). Весь объем толкования и вся сфера практического применения указанных положений ГК РФ выходит за рамки нашего исследования, поэтому мы ограничились только теми вопросами, которые связаны с принятием исполнения той стороной договора, которая впоследствии совершает попытку признать договор незаключенным, недействительным или отказаться от него. При анализе указанных положений ГК РФ выявлены условия и порядок их применения, отличительные особенности каждого исследуемого правила по разным статьям ГК РФ, их соотношение друг с другом, их общую целевую направленность на сохранение договора, подкрепленную общими по характеру последствиями принятия исполнения по договору. Сделаны выводы, свидетельствующие об общей позиции законодателя по недобросовестности одной из сторон договора, о его общем отношении к противоречивому и непоследовательному поведению стороны договора после принятия ею исполнения от контрагента. Автор также пришел к выводу, что факт принятия исполнения по договору законодатель ставит на первое место в списке юридически значимых обстоятельств, подтверждающих действие договора.

Ключевые слова: принятие исполнения; подтверждение договора; отказ от договора; незаключенность договора; недействительность договора; противоречивость и непоследовательность; недобросовестность поведения; эстоппель; п. 3 ст. 432 ГК РФ; п. 2 ст. 431.1 ГК РФ; п. 5 ст. 450.1 ГК РФ.

Для цитирования: Маштаков И.В. О некоторых правовых последствиях принятия исполнения от контрагента по договору // *Jus strictum*. 2024. № 4. С. 29–37. DOI: 10.18323/3034-2945-2024-4-59-4.

ВВЕДЕНИЕ

Совершая и принимая исполнение по гражданско-правовому договору, стороны прежде всего стремятся соблюсти процедуру, установленную законом для нормального и естественного прекращения гражданско-правовых обязательств, поскольку надлежащее исполнение прекращает обязательство (п. 1 ст. 408 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)). Само исполнение, так же как его принятие, – это необходимый алгоритм, неизбежный процесс существования обязательственного относительного правоотношения, в особенности такого, которое возникло на основании договора – соглашения сторон (п. 1 ст. 420 ГК РФ). Закон предусматривает различные правовые последствия, наступающие вследствие принятия исполнения [1]. Помимо общего последствия после принятия надлежащего исполнения (прекращения обязательства) могут наступать последствия, связанные с решением вопросов о юридической силе возникшего обязательства, потому что одна из его сторон может попытаться поставить под сомнение этот факт (оспорить его).

Сущность и динамика гражданско-правового договора такова, что его стороны не могут быть застрахова-

ны от несоблюдения тех требований закона, от которых зависит юридическая сила договора. Поэтому стороны могут поставить под сомнение саму заключенность договора, т. е. факт возникновения договорного правоотношения и, соответственно, наличие взаимных обязательств по договору. Стороны договора могут поставить под сомнение его действительность, т. е. соответствие заключенного договора условиям действительности гражданско-правовой сделки [2]. Наконец, специфика договорных отношений такова, что стороны не могут гарантировать друг другу, что они не выйдут из договора до конца его существования. Стороне договора свойственно иногда от него отказываться, и это обстоятельство, по общему правилу, не подлежит внешней негативной оценке – со стороны закона или правоприменителя [3].

При любом варианте развития событий, направленных на попытку прекратить договорные отношения между сторонами (незаключенность, недействительность, отказ от договора), существенное юридическое значение имеет факт принятия исполнения той стороной договора, которая ставит под сомнение его юридическую силу или пытается от него отказаться. В целях

противодействия таким попыткам одной стороны договора, у другой стороны имеется возможность ссылаться на запрет такого поведения, установленный законом. Данное поведение порицается гражданско-правовым законом как противоречивое и непоследовательное, а стороне договора, уличенной в таком поведении, отказывается в удовлетворении ее требований о признании договора незаключенным, недействительным или об отказе от договора.

Таким образом, в настоящем исследовании поднимается проблема четкого уяснения и толкования нормативных положений гражданского законодательства, предписывающих соблюдать добросовестность поведения после принятия исполнения от контрагента по договору. Указанные предписания сосредоточены главным образом в положениях ГК РФ: п. 3 ст. 432, п. 2 ст. 431.1, п. 5 ст. 450.1. Они стали предметом пристального внимания в научных трудах отдельных исследователей. Например, автор [4] приходит к выводу, что само по себе противоречивое и непоследовательное поведение не обязательно может квалифицироваться как неправомерное, более того, внешне оно выглядит как правомерное. По его мнению, закрепленные в ГК РФ случаи применения так называемого запрета (эстоппеля) могут быть использованы в судебной практике только в контексте соблюдения принципа добросовестности поведения сторон. Автор [5] указывает на такой недостаток российского подхода к правовому регулированию «переменчивого и уклончивого поведения», как отсутствие универсального правила об эстоппеле, вместо которого в ГК РФ появились только отдельные положения о применении такого правила. Наконец, вполне обоснованной выглядит позиция одного из исследователей данной проблемы [6], который обратил внимание на смешение правовых категорий «доктрина эстоппель» и «принцип добросовестности» в условиях российской судебной практики применения соответствующих этому положений ГК РФ. Автор высказывается о необходимости выделения критериев применения доктрины эстоппеля и ее разграничения с принципом добросовестности.

Это далеко не полный перечень проблем, которые можно выделить в аналогичных исследованиях у других авторов. Мы же в своем исследовании обратили внимание только на отдельный факт в связи с обозначенной научной проблематикой – факт принятия исполнения по договору – и попытались ответить на вопрос, как этот факт влияет на практическое применение положений ГК РФ об эстоппеле.

Цель исследования – анализ установленных в законе запретов для стороны договора оспаривать его юридическую силу или отказываться от него после состоявшегося факта принятия такой стороной исполнения по договору.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нормы ГК РФ, устанавливающие запрет на предъявление требований об отказе от договора (п. 5 ст. 450.1 ГК РФ), о признании его незаключенным (п. 3 ст. 432 ГК РФ) или недействительным (п. 2 ст. 431.1 ГК РФ), проанализированы автором в той совокупности, которая объединяет данные правила в рамках применения принципа недопустимости противоречивого и непоследовательного поведения субъекта гражданского права в ди-

намике договора. Указанную совокупность правил ГК РФ автор в своем исследовании сознательно выстраивает в определенную последовательность, которой придерживается и в обсуждении результатов. Сначала исследуются правила ГК РФ, которые не позволяют недобросовестной стороне договора разорвать отношения, ссылаясь на его незаключенность. Далее исследуются правила ГК РФ, которые запрещают недобросовестной стороне договора заявлять требование о признании договора недействительным. И завершается исследование анализом правила ГК РФ о недопустимости отказываться от договора стороне, ранее подтвердившей его действие. В результате исследование построено на некотором системном подходе к анализу тех случаев применения правила об эстоппеле, которые связаны с принятием исполнения от контрагента по договору. Автор проводит некоторый сравнительный анализ исследуемых им правил ГК РФ, указывает на отдельные недостатки правового регулирования, ссылаясь на отдельные критические замечания в юридической литературе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках проведенного исследования мы пришли к следующим результатам.

Во-первых, принятие исполнения после заключения договора является правоустанавливающим юридическим фактом, подтверждающим его действие на будущее время. Сторона, принимающая исполнение по договору, дает понять своему контрагенту, что нацелена на реализацию всего объема прав и обязанностей в рамках их соглашения и не намерена утверждать, что между ними такого соглашения не было в принципе. Принимая исполнение, принимающая сторона обременяет себя расходами, потому что сама процедура принятия исполнения может оказаться весьма затратной. Вряд ли сторона, не имеющая серьезного волевого отношения к договору, позволит себе дополнительные траты. О таком отношении к договору может свидетельствовать не только полное, но и частичное принятие исполнения. В совокупности с конкретными обстоятельствами факт принятия исполнения по договору накладывает запрет на заявление требования о признании договора незаключенным (п. 3 ст. 432 ГК РФ). Учет конкретных обстоятельств при заявлении такого требования необходим для квалификации общей линии поведения заявляющей об этом стороны договора. В таком поведении может усматриваться противоречие принципу добросовестности. Уличение в недобросовестности опирается на недопустимость противоречивого и непоследовательного поведения.

Во-вторых, сторона гражданско-правового договора по замыслу законодателя должна реально осознавать свой статус полноценного участника договорных отношений, с полной мерой ответственности за свое поведение адекватно воспринимать поведение своего контрагента. Поэтому, принимая исполнение по договору от стороны, которая добросовестно полагается на принимающую исполнение сторону, последняя не может отвечать первой своей недобросовестностью. В качестве одного из проявлений такой недобросовестности может рассматриваться требование принимающей исполнение стороны о признании предпринимательского договора

недействительным (п. 2 ст. 431.1 ГК РФ). Данное правило сформулировано таким образом, что запрет на требование о недействительности договора обусловлен неисполнением заявляющей требование стороной своих встречных обязательств. Закон усматривает в таком поведении лица некоторый порок: со своей стороны это лицо не произвело встречного исполнения (ни полного, ни частичного), но, довольствуясь принятием исполнения от контрагента, ставит его в такое невыгодное положение, что он теперь должен осознать не только сам факт недействительности договора, но и претерпеть последствия такой недействительности, которые для него никак не желательны. Для сторон, чей договор связан с осуществлением ими предпринимательской деятельности (предпринимательский договор), когда предпринимательские риски в сделке весьма высоки, закон устанавливает в такой ситуации запрет на требование о признании договора недействительным. Такой запрет снимается, если исполняющая договор сторона сама уличена в недобросовестности или сделка оспаривается как совершенная под влиянием указанных в законе приводящих обстоятельств.

В-третьих, у любой стороны гражданско-правового договора есть право до окончания срока его действия, не исполняя весь объем своих договорных обязательств, выйти из договорного правоотношения, осуществляя предусмотренное законом право на отказ от договора (ст. 450.1 ГК РФ). Реализация такого права, как и в случаях незаключенности или недействительности договора, также может зависеть от добросовестности поведения отказывающейся от договора стороны. Таким образом, закон в п. 5 ст. 450.1 ГК РФ также усматривает в поведении стороны договора некоторую противоречивость и непоследовательность, которые могут вступать в противоречие с общим правилом ГК РФ об обязанности участников гражданских правоотношений действовать добросовестно (п. 3 ст. 1 ГК РФ). Принимая предложенное исполнение от контрагента, по замыслу законодателя сторона договора не может практически одновременно осуществлять два противоречащих друг другу права: право на принятие исполнения и право на отказ от договора. Поэтому, чтобы применить установленный в п. 5 ст. 450.1 ГК РФ запрет на отказ от договора, такое одновременное осуществление указанных прав по договору требует соблюдения определенной последовательности в их реализации. Сначала может быть принято предложенное исполнение, а потом предпринимается попытка последующего отказа от договора. Соблюдение такой последовательности как раз и вызывает подозрения в недобросовестности отказывающейся от договора стороны. Но что здесь является очень важным: если после принятия исполнения в дальнейшем возникнут новые основания для отказа от договора, то прежний факт принятия исполнения не может уже рассматриваться как противоречивый и непоследовательный.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Последствие принятия исполнения в незаключенном договоре

После того как стороны заключили гражданско-правовой договор, кому-нибудь из них может показаться, что на самом деле это не так. Гражданское законо-

дательство Российской Федерации определяет факт заключения договора указанием на правовое состояние последнего с использованием выражения «считается заключенным» [7]. Так, договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора (п. 1 ст. 432 ГК РФ). В результате стороны могут оспаривать факт заключения договора, если выясняется, что о каком-нибудь существенном условии для данного вида договора они забыли упомянуть в его содержании. Для разных видов договора ГК РФ предусматривает специальные правила, в которых называет перечень существенных условий. Например, договор о продаже товара в кредит с условием о рассрочке платежа считается заключенным, если в нем наряду с другими существенными условиями договора купли-продажи указаны цена товара, порядок, сроки и размеры платежей (абз. 2 п. 1 ст. 489 ГК РФ). Существенным условием договора продажи жилого дома, квартиры, части жилого дома или квартиры, в которых проживают лица, сохраняющие в соответствии с законом право пользования этим жилым помещением после его приобретения покупателем, является перечень этих лиц с указанием их прав на пользование продаваемым жилым помещением (п. 1 ст. 558 ГК РФ). Специальными правилами перечень существенных условий предусмотрен для договора страхования (ст. 942 ГК РФ), договора доверительного управления имуществом (ст. 1016 ГК РФ). Перечень таких примеров можно продолжать. Но общим для всех гражданско-правовых договоров существенным условием является условие о его предмете (абз. 2 п. 1 ст. 432 ГК РФ). При этом характеристика предмета договора (его описание) может быть представлена сторонами не в полном объеме, без указания важных или ключевых элементов данного предмета [8]. Например, предмет договора поставки признается несогласованным, если наименование товара определено недостаточно конкретно, указаны лишь родовые признаки. Если в договоре купли-продажи здания отсутствуют сведения о земельном участке, на котором оно находится, а также данные о том, на основании какого права принадлежит такой участок продавцу, это свидетельствует о несогласовании условия о предмете договора, поэтому является основанием для признания его незаключенным.

Исходя из этих рассуждений, стороне договора, которой захотелось признать его незаключенным, есть за что зацепиться. Но возникает вопрос о возможности реализации такого права после принятия исполнения от другой стороны, поскольку такое поведение законом не одобряется, и по правилам п. 3 ст. 432 ГК РФ запрещено заявлять требование о незаключенности договора. Суд в такой ситуации может встать на сторону ответчика. И наоборот, у суда есть право удовлетворить требование истца о признании договора заключенным, поскольку ответчик, приняв исполнение от истца, отказывается от исполнения договора со своей стороны, ссылаясь на его незаключенность. Например, отказ в защите стороне, исполнившей незаключенный договор, может привести к владению без оснований у другой стороны [9]. В юридической литературе указывается на применение в таком случае института судебной конвалидации (исцеления) гражданско-правовой сделки,

используемого с целью защиты добросовестно исполнившей договор стороны [10]. Таким образом, договор по юридическим признакам может считаться незаключенным, но фактические действия сторон и в особенности стороны, принявшей исполнение по договору, свидетельствуют о факте подтверждения договора сторонами, что не дает право ссылаться на его незаключенность заинтересованной в этом стороне договора. Нарушение принципа добросовестности здесь будет выражаться в противоречивом и непоследовательном поведении стороны договора [6], которая заявляет требование о его незаключенности, но в свое время без возражений принимала исполнение по договору в свою пользу.

Обычно сторона, которая заявляет требование о признании договора незаключенным, по смыслу п. 3 ст. 432 ГК РФ находит свой интерес в том, чтобы не исполнять свои обязанности по такому договору, предварительно получив исполнение от другой стороны. Казалось бы, какая ей от этого выгода? Но, видимо, этой стороне договора по разным причинам бывает выгоднее прекратить договорные отношения со своим контрагентом, ссылаясь на их юридическую несостоятельность, даже понимая тот факт, что принятое исполнение от другой стороны придется все равно возвращать или компенсировать, поскольку оно будет квалифицироваться как неосновательное обогащение (гл. 60 ГК РФ). Главная цель заинтересованной в признании договора незаключенным стороны – не исполнять свои встречные обязательства, например, потому что их фактическое исполнение к этому времени стало невозможным и оснований освобождения от ответственности за неисполнение не предвидится. Например, поставщик, получивший предоплату, впоследствии понимает, что заказанный им на заводе товар для покупателя (получателя) произведен не будет и причина не попадает под обстоятельства непреодолимой силы (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Почему бы в этой ситуации не попробовать придаться к спецификации в договоре поставки, где наименование товара определено недостаточно конкретно (указаны лишь родовые признаки)? Покупатель может защищаться от такой недобросовестной позиции поставщика тем, что будет ссылаться на получение последним предоплаты без каких-либо возражений.

Если же сторона по договору в ответ на исполнение другой стороны исполняет свои встречные обязательства, то смысл впоследствии заявлять требование о признании договора незаключенным практически пропадает, даже если на то находятся основания. Но тем не менее следует предположить, что эти основания (несогласованный предмет, ненадлежащая форма договора) могут послужить инструментом для реализации желания одного из контрагентов прекратить договорные отношения ранее срока окончания действия договора, например по причине нахождения более предпочтительного контрагента с перспективой более выгодной сделки [11].

Кроме того, возникает вопрос, можно ли будет удовлетворить требование стороны договора о признании его незаключенным по смыслу п. 3 ст. 432 ГК РФ, если истец не принимал исполнение от ответчика ни в каком объеме – ни в полном, ни в частичном? Указанная норма ГК РФ оставляет поле для маневра ответчика. Последний может доказать, что истец подтверждал дей-

ствие договора иным образом, даже если не принимал непосредственно исполнение от ответчика. Подтверждение действие договора иным образом, по нашему мнению, может быть выражено заключением дополнительного соглашения к договору, предоставлением со стороны истца реквизитов для перечисления предоплаты по договору, направлением отгрузочной разрядки по договору поставки (когда истцом выступает покупатель, которого теперь не устраивает данный поставщик), осуществлением заказа на выполнение проекта для договора строительного подряда (когда заказчик передумал работать с данным подрядчиком) и т. п. Не менее важным подтверждением договора, на наш взгляд, может служить использование института заверения об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ), когда истец заверял ответчика об обстоятельствах, свидетельствующих, например, о его желании пролонгировать действие договора на новый срок.

Правило п. 3 ст. 432 ГК РФ сформулировано таким образом, что истец – это сторона договора, заявляющая требования о признании договора незаключенным, а ответчик – это сторона, которая первой произвела исполнение по договору, и данное исполнение было принято истцом. Но, как мы уже обратили внимание ранее, эта ситуация может повернуться в обратную сторону, когда в суд приходится обращаться стороне, исполнившей обязательство, поскольку контрагент не исполняет своего встречного обязательства, считая договор незаключенным. Независимо от того, кто выступает истцом, следует предположить, что требование о признании договора незаключенным в рамках правила п. 3 ст. 432 ГК РФ рассчитано на непродолжительное время, которое могло пройти с момента фактического заключения соглашения между его сторонами. Чем дольше такое соглашение существует во времени, тем менее обоснованным будет выглядеть требование одной из сторон, направленное на признание договора незаключенным, и тем более обоснованным будет выглядеть требование другой стороны, направленное на признание договора заключенным, тем больше шансов у добросовестной стороны применить правило об эстоппеле, защищаясь от недобросовестного контрагента. Суд, таким образом, констатирует недобросовестность [12] действий той стороны, которая пытается признать договор незаключенным, или той стороны, которая отказывается исполнять свои встречные обязательства по договору, считая его незаключенным.

Последствие принятия исполнения в недействительном договоре

Правило п. 2 ст. 431.1 ГК РФ также направлено на урегулирование ситуации, когда одна из сторон договора предпринимает попытку прекратить договорные отношения с контрагентом, но уже не через признание договора незаключенным, а через признание его недействительным. Как и в первом случае, речь идет о том, что заинтересованная в признании договора недействительным сторона ранее принимала исполнение от своего контрагента, не высказывая возражений относительно недействительности договора [13]. Только в отличие от ситуации с признанием договора незаключенным, в ситуации с признанием договора недействительным закон указывает на два дополнительных признака для

применения правила п. 2 ст. 431.1 ГК РФ. Первый дополнительный признак – заинтересованная в признании договора недействительным сторона при этом не произвела встречное исполнение ни полностью, ни частично. Вторым дополнительным признаком – речь должна идти о договоре, связанном с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности.

Если же встречное исполнение произведено, т. е. отсутствует первый дополнительный признак, то уже становится неважным наличие или отсутствие второго дополнительного признака, поскольку в таком случае любая из сторон договора вправе требовать признания его недействительным на общих основаниях, невзирая на то, связан ли их договор с осуществлением предпринимательской деятельности или не связан. Таким образом, наличие первого дополнительного признака (отсутствие встречного исполнения) является основополагающим для применения правила п. 2 ст. 431.1 ГК РФ. Если этот признак отсутствует и встречное исполнение имело место, то указанное правило не применяется. Возникает вопрос: если первый дополнительный признак имеет место (отсутствует встречное исполнение), а второго дополнительного признака нет – договор не носит предпринимательского характера, возможно ли в этом случае стороне договора, не совершившей встречного исполнения, требовать признания договора недействительным? Видимо, возможно, поскольку правило п. 2 ст. 431.1 ГК РФ ограничивает эту возможность только для стороны предпринимательского договора. Если договор предпринимательский и нет встречного исполнения, то сторона, от которой это встречное исполнение ожидалось, не имеет права требовать недействительности такого договора. Если договор не предпринимательский и также нет встречного исполнения, то сторона, от которой это встречное исполнение ожидалось, уже имеет право требовать признания договора недействительным на общих основаниях. Если первый признак отсутствует, то второй уже не важен. Если первый признак присутствует, то для применения указанного правила ГК РФ необходим еще и второй признак.

Проводя сравнение положений п. 2 ст. 431.1 с п. 3 ст. 432 ГК РФ, можно увидеть главный общий момент – в обоих случаях потенциальный истец (сторона, которая приняла исполнение от своего контрагента), по мнению законодателя, может действовать недобросовестно. Но при этом в п. 2 ст. 431.1 ГК РФ, в отличие от правила п. 3 ст. 432 ГК РФ, о противоречии принципу добросовестности в действиях стороны-истца ничего не говорится. Видимо, такое противоречие законодатель презюмирует (предполагает), иначе теряется смысл ограничения, установленного для потенциального истца, намеревающегося признать предпринимательский договор недействительным, когда сам принял исполнение, а своего встречного исполнения не произвел. В юридической литературе такая ситуация характеризуется как «предпринимательский эстоппель» [5], указывается на ее родственность по юридической природе характер с правилом п. 5 ст. 166 ГК РФ. Оно направлено на исцеление как ничтожной, так и оспоримой сделки в тех случаях, когда ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действи-

тельность сделки. В юридической литературе такой способ защиты добросовестной стороны в сделке называют «молчанием суда» [14], когда заявление недобросовестной стороны о недействительности сделки не имеет правового значения, т. е. суд никак не реагирует на такое заявление, игнорирует его.

Но при этом, сравнивая исследуемые нами правила статей ГК РФ о незаключенности и недействительности договора, наблюдаем ситуацию, когда сторона, которая по непредпринимательскому договору получила исполнение от своего контрагента и со своей стороны встречного исполнения не произвела, получает законный выбор: попробовать признать договор незаключенным или попытаться признать его недействительным. Если она попытается признать его незаключенным, против ее требования будет выдвинут аргумент – зачем принимала исполнение? Если же она попытается признать договор недействительным (по законным основаниям), то против ее требования одного аргумента о ранее принятом исполнении будет недостаточно, поскольку п. 2 ст. 431.1 ГК РФ применяется, только если договор не оспаривается по правилам ст. 173, 178, 179 ГК РФ. Более того, само исполнение первой стороной может быть продиктовано ее собственными недобросовестными действиями (действиями стороны-ответчика), в результате которых вторая сторона (сторона-истец) приняла исполнение, но потом решила оспаривать такой договор по имеющимся в законе основаниям.

В юридической литературе можно встретить мнение, что правило п. 2 ст. 431.1 ГК РФ – это «перевернутое для предпринимательских договоров правило абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК о недействительности сделки» [15]. Для применения правила п. 2 ст. 431.1 ГК РФ вполне возможно сослаться и на абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ, поскольку недобросовестные действия стороны по предпринимательскому договору могут выражаться и в том, что, когда эта сторона принимала исполнение, она уже знала о наличии основания недействительности договора, но скрывала это обстоятельство, умалчивала об этом, а после принятия исполнения заявила об этом основании и пытается оспорить договор. Только в этом случае другой стороне, которая не согласна с оспариванием договора, видимо, придется доказывать факт осведомленности ее контрагента об этом основании, на которое контрагент ссылается при оспаривании. А это уже вопрос процессуальный, и неизвестно, получится ли доказать такую осведомленность своего контрагента стороне, которая не желает оспаривания.

В отличие от абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ, применение п. 2 ст. 431.1 ГК РФ не зависит от более ранней осведомленности стороны в отношении основания для оспаривания сделки. По замыслу п. 2 ст. 431.1 ГК РФ запрещено оспаривать предпринимательский договор хотя бы только потому, что после принятия исполнения это будет выглядеть как противоречивое и непоследовательное поведение (предпринимательский эстоппель) независимо от того, когда заинтересованной стороне пришло в голову осознание недействительности: до принятия исполнения, в момент его принятия или уже после него [16]. Этим самым закон подчеркивает исключительный характер предпринимательских отношений между сторонами договора, когда принятие исполнения имеет настолько существенное для динамики

такого договора значение, что приходится формулировать для них специальное правило о запрете оспаривания договора [4].

Последствие принятия исполнения при отказе от договора

На важное юридическое значение факта принятия исполнения закон также обращает внимание и в случае попытки одной из сторон отказаться от договора (п. 5 ст. 450.1 ГК РФ).

Здесь, видимо, следует учитывать лишь случаи мотивированного отказа от договора, потому что только при мотивированном отказе возникает то основание, на которое ссылается п. 5 ст. 450.1 ГК РФ. Если отказ немотивированный и он допускается законом просто потому, что таковым является характер договорных отношений в конкретном договорном обязательстве, то блокировать отказ от договора по правилам п. 5 ст. 450.1 ГК РФ не получится. Например, если закон разрешает отказаться от договора в любое время (ст. 782 ГК РФ), даже пусть при соблюдении определенных условий (оплата фактически понесенных расходов, полное возмещение убытков), то такой отказ может последовать даже на конечной стадии действия договора, когда стороны уже ничего друг от друга не ожидают и вполне удовлетворены взаимным исполнением обязательств [17]. Немотивированный отказ может последовать и после истечения основного срока договора. Так, по договору аренды ни одна из сторон, несмотря на истекший срок, может не высказывать своего желания закончить действие договора, и поведение сторон, наоборот, может свидетельствовать об их желании продлить договорные отношения. Такая ситуация описывается в п. 2 ст. 621 в сочетании с п. 2 ст. 610 ГК РФ, когда договор аренды считается возобновленным на тех же условиях на неопределенный срок [18], и каждая из сторон вправе отказаться от такого договора, предупредив другую сторону заранее (за один или три месяца). Получается, что в период срочного договора аренды отказ от него мог быть только мотивированным, а в период действия договора по правилам п. 2 ст. 610 ГК РФ (в период неопределенного срока) отказ от него может быть и немотивированным, даже если стороны принимали друг от друга исполнение по договору. Аналогичное последнему правилу также содержит п. 1 ст. 699 ГК РФ для сторон по договору ссуды. В результате сама суть и назначение немотивированного отказа от договора такова, что не позволяет применять правило о запрете на такой отказ по п. 5 ст. 450.1 ГК РФ, иначе любое принятие исполнения блокировало бы любой немотивированный отказ от договора, и в основаниях такого отказа не было бы практического смысла.

Когда же речь идет о мотивированном отказе от договора, т. е. о тех случаях, когда отказ обусловлен указанием на какую-нибудь причину, например на отсутствие встречного исполнения от контрагента (п. 2 ст. 328 ГК РФ), но данным основанием в текущий момент управомоченная на отказ сторона не воспользовалась, то после все-таки состоявшегося встречного исполнения и его принятия имевшая право на отказ сторона не может уже отказаться от договора по данному (прежнему) основанию, не может к нему вернуться и ссылаться на него как на все еще действующее осно-

вание для отказа. Например, по договору купли-продажи покупатель внес стопроцентную предоплату, а продавец не спешит передавать покупателю проданный товар. Если покупатель проявит выдержку и добьется от продавца передачи товара, а потом попытается реализовать свое право на отказ (п. 1 ст. 463 ГК РФ), припомнив продавцу задержку передачи товара, то здесь вступает в действие правило п. 5 ст. 450.1 ГК РФ, когда такое поведение покупателя выглядит как противоречивое и непоследовательное [19], особенно если между сторонами договора складываются долгосрочные отношения и поведение покупателя ставит рассчитывавшего на такие отношения продавца в менее выгодное положение. Поэтому покупатель уже не может отказываться от договора по тому основанию, которое имело место до принятия исполнения, так как сейчас оно уже неактуально, потому что покупатель в итоге принял исполнение, хоть и с опозданием со стороны продавца, и таким образом подтвердил действие договора.

Аналогичных примеров достаточно много практически по всем известным видам гражданско-правовых договоров. В основном причины мотивированного отказа от договора привязаны к факту правонарушения действия или бездействия со стороны контрагента. Не случайно «именно такое основание, как нарушение договора одной из сторон, которое по логике вещей и здравого смысла должно было привести к реализации права другой стороны на односторонний отказ от договора, заслуживает внимания при решении вопроса о дальнейшем запрете на отказ от договора. Закон запрещает отказываться от договора потом, когда управомоченная на отказ сторона примет исполнение от другой стороны, не отказавшись от договора сейчас» [20].

Таким образом, не использовав свое право на отказ от договора, управомоченная на то сторона либо смирилась с правонарушением другой стороны, либо усматривает для себя более выгодные последствия в будущем, если не воспользуется этим правом сейчас. Например, подрядчик по договору строительного подряда продолжает свои работы, несмотря на то, что предоставленные заказчиком материалы или оборудование невозможно использовать без ухудшения качества выполняемых работ; заказчик об этом уведомлен подрядчиком, но не предпринимает меры по замене материалов или оборудования [21]. Подрядчику со своей стороны невыгодно срывать заказ, он вынужден мириться с нарушением со стороны заказчика и не пользуется своим правом на отказ от договора (п. 3 ст. 745 ГК РФ). Любые дальнейшие действия подрядчика, направленные на исполнение договора, в т. ч. действия, связанные с принятием исполнения от заказчика, отрезают ему путь на возврат к тому основанию, которое помогло бы ему ранее отказаться от договора подряда. Но у подрядчика могут в дальнейшем возникнуть иные основания для отказа от договора, и он может такими основаниями воспользоваться, но это уже будет другая правовая связь между сторонами с другими правами и обязанностями в рамках продолжающегося существовать обязательственного правоотношения. Поэтому применение правила п. 5 ст. 450.1 ГК РФ может повторяться на каждом очередном этапе исполнения договора и, соответственно, очередном этапе принятия такого исполнения. Для каждого из таких этапов может быть

предусмотрено свое законное основание для отказа от договора, но всякий раз принятое исполнение по договору может блокировать реализацию права на отказ от него для той стороны, которая такое исполнение принимала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило уяснить основное назначение установленных законодателем правил об эстоппеле на случай принятия исполнения от контрагента по договору. Полученные результаты, надеемся, помогают пролить свет на сложные и неоднозначные формулировки правил п. 3 ст. 432, п. 2 ст. 431.1 и п. 5 ст. 450.1 ГК РФ и могут быть использованы как в учебных, так и в научно-исследовательских целях. Тем не менее данные формулировки исследованных нами положений ГК РФ могут поставить отдельные вопросы перед правоприменителем.

В частности, применение правила п. 3 ст. 432 ГК РФ может вызывать определенные трудности, связанные с квалификацией факта принятия исполнения как подтверждающего действие договора, поскольку принятие исполнения с учетом конкретных обстоятельств может оказаться вынужденным для стороны договора, заявившей о своем нежелании признавать договор заключенным (например, поставщик сверх договорной нормы навязывает свой товар покупателю, который от него отказывается, но вынужден принять поставленный товар на ответственное хранение). Таким образом, необходимы более подробные руководящие разъяснения Пленума ВС РФ в отношении тех случаев полного или частичного принятия исполнения стороной договора, которые бы однозначно рассматривались судебной практикой именно как подтверждающие действие договора.

Необходимость в подобных разъяснениях проявляется и в рамках применения правила п. 5 ст. 450.1 ГК РФ, в котором сторона, отказывающаяся от договора, ранее подтверждала его действие фактом принятия исполнения от другой стороны. Главная роль такого подтверждающего договор факта, как принятие исполнения, заставляет нас задуматься над предложением о самостоятельном правовом регулировании в рамках положений ГК РФ такого юридически значимого действия. Предполагаемая самостоятельность необходимого регулирования может быть представлена специальными статьями в ГК РФ о принятии исполнения по договору.

Правило п. 2 ст. 431.1 ГК РФ ставит весьма перспективный для дальнейшего исследования вопрос о заведомо недобросовестных действиях стороны, которая предоставила исполнение. Таким образом, судебная практика должна наработать примеры, когда предоставленное исполнение связано с недобросовестными действиями потенциального ответчика, и истцу удается обойти запрет на признание договора недействительным, установленный указанной нормой ГК РФ. В результате кажущееся недобросовестное поведение стороны договора, пытающейся признать его недействительным, оправдывается доказанной недобросовестностью контрагента, предоставившего исполнение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кулаков В.В., Филиппова С.Ю. Правовые последствия совершения действий, не являющихся сделками // Гражданское право. 2020. № 3. С. 15–21. EDN: [YOBVFV](#).
- Толстова И.А., Викторов В.Ю., Матвеев П.А., Кишко В.А. Виды и основания недействительности сделок в современном российском гражданском обороте // Нотариус. 2020. № 4. С. 33–36. EDN: [DWCWZC](#).
- Курин И.Ю., Подгайная А.И. Способы осуществления права на односторонний отказ от договора: проблемы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 8. С. 51–56. EDN: [HUJVHA](#).
- Нам К.В. Эстоппель в контексте принципа добросовестности // Закон. 2020. № 4. С. 38–46. EDN: [IEXDZU](#).
- Николаева К.Ю. Природа, историческое происхождение доктрины «эстоппель», опыт и актуальные проблемы в практике применения судами РФ // Право и экономика. 2022. № 6. С. 24–30. EDN: [PQAYYT](#).
- Коваленко А.А. Доктрина «эстоппель» в контексте принципа добросовестности в судебной практике РФ // Юрист. 2023. № 3. С. 55–60. DOI: [10.18572/1812-3929-2023-3-55-60](#).
- Кархалев Д.Н., Качур Н.Ф. Заключение гражданско-правового договора // Современное право. 2021. № 12. С. 66–71. DOI: [10.25799/NL2021.98.84.012](#).
- Ровнягина М.Н. Значение предмета гражданско-правового договора для квалификации пределов договорного регулирования // Закон. 2022. № 11. С. 151–162. DOI: [10.37239/0869-4400-2022-19-11-151-162](#).
- Лоренц Д.В. Юридическая природа притязания об исправлении реестра недвижимости // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 9. С. 116–136. EDN: [FPUTME](#).
- Тебенев И.К. Форма сделок и идентификация их сторон в электронной коммерции (Часть 2) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 4. С. 104–157. DOI: [10.37239/2500-2643-2024-19-4-104-157](#).
- Шеменева О.Н. Общие и специальные последствия недобросовестного поведения сторон в гражданском и в гражданском процессуальном законодательстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 12. С. 14–19. EDN: [ENXXKR](#).
- Ломидзе О.Г., Ломидзе Э.Ю. Дифференциация юридически значимых последствий по критерию «осведомленность» // Российская юстиция. 2023. № 11. С. 35–41. EDN: [KSOAMH](#).
- Чеговадзе Л.А., Дерюгина Т.В. Незаключенность и недействительность договора: проблемы правоприменения // Цивилист. 2022. № 3. С. 41–48. EDN: [NENQDM](#).
- Ткачева М.А. О судебном «исцелении» ничтожной сделки как санкции за недобросовестное поведение стороны сделки // Вестник арбитражной практики. 2023. № 4. С. 26–33. EDN: [QYIUZK](#).
- Иванов А.А. Незыблемость договора (pacta sunt servanda) и его недействительность // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 12. С. 31–43. EDN: [WUJHGA](#).
- Грибов Н.Д. Доктрина запрета противоречивого поведения // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 3. С. 128–135. DOI: [10.17803/1994-1471.2020.112.3.128-135](#).

17. Пшеничников М.А. Место договора возмездного оказания услуг в системе договорных типов // Вестник гражданского права. 2024. Т. 24. № 1. С. 188–210. EDN: [SKTDRS](#).
18. Маколдина А.А. Конклюдентные действия в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2024. Т. 24. № 2. С. 7–59. DOI: [10.24031/1992-2043-2024-24-2-7-59](#).
19. Тебенеv И.К., Чуктурова Д.А. Практика применения п. 5 ст. 450.1 ГК РФ о подтверждении договора как основании для блокирования права на отказ от договора // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 5. С. 168–190. EDN: [ITAXZM](#).
20. Монастырский Ю.Э. Одностороннее прерывание договорных связей и его последствия по ГК РФ // Гражданское право. 2024. № 4. С. 6–9. DOI: [10.18572/2070-2140-2024-4-6-9](#).
21. Ефимцева Т.В., Воронцова А.В. Основания досрочного расторжения договора строительного подряда в Российской Федерации // Хозяйство и право. 2023. № 2. С. 56–66. EDN: [QZGVFP](#).
9. Lorents D.V. The legal nature of the claim to correct the real estate register. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2024, vol. 28, no. 9, pp. 116–136. EDN: [FPUTME](#).
10. Tebenev I.K. Form of transactions and identification of parties in e-commerce (part 2). *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, 2024, no. 4, pp. 104–157. DOI: [10.37239/2500-2643-2024-19-4-104-157](#).
11. Shemeneva O.N. General and specific consequences of bad faith behavior of parties in civil and civil procedure laws. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*, 2022, no. 2, pp. 14–19. EDN: [ENXXKR](#).
12. Lomidze O.G., Lomidze E.Yu. Differentiation of legally significant consequences by the criterion of awareness. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2023, no. 11, pp. 35–41. EDN: [KSOAMH](#).
13. Chegovadze L.A., Deryugina T.V. Qualification of the construction contract conclusion. *Tsivist*, 2022, no. 3, pp. 41–48. EDN: [NENQDM](#).
14. Tkacheva M.A. Regarding the judicial “healing” of a void transaction as a sanction for the misbehaviour of the party to the transaction. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*, 2023, no. 4, pp. 26–33. EDN: [QYIUZK](#).
15. Ivanov A.A. Stability of the contract (pacta sunt servanda) and its invalidity. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, 2020, no. 12, pp. 31–43. EDN: [WUJHGA](#).
16. Gribov N.D. The doctrine of the conflicting behavior prohibition. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2020, vol. 15, no. 3, pp. 128–135. DOI: [10.17803/1994-1471.2020.112.3.128-135](#).
17. Pshenichnikov M.A. Service contract in the contract types system. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 188–210. EDN: [SKTDRS](#).
18. Makoldina A.A. Implicit actions in civil law. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 7–59. DOI: [10.24031/1992-2043-2024-24-2-7-59](#).
19. Tebenev I.K., Chukturova D.A. Practice in the application of article 450.1 (5) of the Russian Civil Code on confirmation of contract as a basis for blocking the right to withdraw from a contract. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, 2021, no. 5, pp. 168–190. EDN: [ITAXZM](#).
20. Monastyrskiy Yu.E. Unilateral termination of contractual relations and its consequences under the Civil Code of the Russian Federation. *Grazhdanskoe pravo*, 2024, no. 4, pp. 6–9. DOI: [10.18572/2070-2140-2024-4-6-9](#).
21. Efimtseva T.V., Vorontsova A.V. Grounds for early termination of a construction agreement in the Russian Federation. *Khozyaystvo i pravo*, 2023, no. 2, pp. 56–66. EDN: [QZGVFP](#).

REFERENCES

1. Kulakov V.V., Filippova S.Yu. Legal consequences of the performance of actions not being transactions. *Grazhdanskoe pravo*, 2020, no. 3, pp. 15–21. EDN: [YOBVFV](#).
2. Tolstova I.A., Viktorov V.Yu., Matveev P.A., Kishko V.A. Transaction invalidity types and grounds in the modern Russian civil circulation. *Notarius*, 2020, no. 4, pp. 33–36. EDN: [DWCWZC](#).
3. Kurin I.Yu., Podgaynaya A.I. Ways of exercising the right to unilateral withdrawal from a contract: problems of theory and practice. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2022, no. 8, pp. 51–56. EDN: [HUJVHA](#).
4. Nam K.V. Estoppel in the context of good faith principle. *Zakon*, 2020, no. 4, pp. 38–46. EDN: [IEXDZU](#).
5. Nikolaeva K.Yu. Legal nature, historical origin of the doctrine of estoppel, practice and actual issues of applying in courts of the Russian Federation. *Pravo i ekonomika*, 2022, no. 6, pp. 24–30. EDN: [PQAYYT](#).
6. Kovalenko A.A. The estoppel doctrine within the framework of the principle of good faith in the judicial practice of the Russian Federation. *Yurist*, 2023, no. 3, pp. 55–60. DOI: [10.18572/1812-3929-2023-3-55-60](#).
7. Karkhalev D.N., Kachur N.F. Conclusion of a civil law contract. *Sovremennoe pravo*, 2021, no. 12, pp. 66–71. DOI: [10.25799/NI.2021.98.84.012](#).
8. Rovnyagina M.N. Significance of the subject of a civil contract for the qualification of the limits of contractual regulation. *Zakon*, 2022, no. 11,

Concerning some legal consequences of accepting performance from a counterparty under a contract

Igor V. Mashtakov, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Civil Law and Procedure”

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E-mail: i.mashtakov@tltso.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3797-9158>

Received 18.11.2024

Revised 29.11.2024

Accepted 09.12.2024

Abstract: This study is based on those provisions of the Civil Code of the Russian Federation that are examples of the application in civil circulation of the rule prohibiting contradictory and inconsistent behavior of its participants. The author analyzed certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation where the prohibition of such behavior is associated with the resolution of a dispute between the parties regarding the fact of conclusion of a contract (paragraph 3 of Article 432 of the Civil Code of the Russian Federation), its invalidity (paragraph 2 of Article 431.1 of the Civil Code of the Russian Federation), and the possibility of applying the right to withdraw from a contract (paragraph 5 of Article 450.1 of the Civil Code of the Russian Federation). The entire scope of interpretation and the entire sphere of practical application of these provisions of the Civil Code of the Russian Federation are beyond the scope of this study, so the author limited himself only to the issues related to the acceptance of performance by the party to the contract, which subsequently attempts to recognize the contract as not concluded, invalid, or to withdraw from it. When analyzing the specified provisions of the Civil Code of the Russian Federation, the author identified the conditions and procedure for their application, the distinctive features of each rule under study under different articles of the Civil Code of the Russian Federation, their relationship with each other, their general goal to preserve the contract supported by the general nature of the consequences of accepting performance under the contract. Conclusions were made that indicate the general opinion of the legislator on the bad faith of one of the parties to the contract, on its general attitude to the contradictory and inconsistent behavior of the party to the contract after accepting performance from the counterparty. The author also concludes that the legislator puts the fact of acceptance of performance under the contract first in the list of legally significant circumstances confirming the validity of the contract.

Keywords: acceptance of performance; contract confirmation; repudiation of a contract; loss of a contract; invalidity of a contract; contradictory and inconsistent behavior; bad faith conduct; estoppel; paragraph 3 of Article 432 of the Civil Code of the Russian Federation; paragraph 2 of Article 431.1 of the Civil Code of the Russian Federation; paragraph 5 of Article 450.1 of the Civil Code of the Russian Federation.

For citation: Mashtakov I.V. Concerning some legal consequences of accepting performance from a counterparty under a contract. *Jus strictum*, 2024, no. 4, pp. 29–37. DOI: 10.18323/3034-2945-2024-4-59-4.

Издательство (до 1 ноября 2011 года – редакционно-издательский центр) – структурное подразделение Тольяттинского государственного университета, занимающее важное место в обеспечении учебного процесса качественной учебной, учебно-методической и научной литературой.

Издательство ТГУ сегодня

– Имеет в своем составе редакцию и печатный цех. За последние годы практически полностью обновлен парк компьютерной техники, печатного и постпечатного оборудования.

– Выпускает книги и электронные учебные пособия для студентов, аспирантов, преподавателей и специалистов практически по всем отраслям современного научного знания, а также научно-популярную, справочную, художественную литературу, сборники докладов (статей) конференций. Характер издаваемой литературы соответствует всем направлениям учебных циклов дисциплин университета.

– Значительный объем полиграфической работы – оперативное исполнение рекламно-информационной продукции.

– Коллектив издательства – творческий союз высококвалифицированных специалистов с большим стажем работы и молодых целеустремленных сотрудников.

– Сотрудники издательства принимают участие в практических семинарах с целью знакомства с новыми возможностями в области полиграфических технологий и оборудования, а также с современными материалами для цифровой печати.

Основные направления деятельности

– Издание учебной и научной литературы на бумажном носителе, производство электронных учебных и научных пособий.

– Выполнение элементов редакционно-издательского цикла: редактирование, изготовление оригинал-макетов, тиражирование, предпечатная и постпечатная подготовка.

– Методическая и консультативная работа с подразделениями университета по вопросам выпуска учебных и научных изданий.

– Взаимодействие с Российской книжной палатой по вопросам присвоения ISBN изданиям, выпущенным ТГУ.

– Подготовка изданий, выпущенных ТГУ, к государственной регистрации и рассылка обязательных экземпляров.

– Разметка статей, публикуемых в журналах ТГУ, в программе Articulus для размещения на платформе eLibrary.

Основные достижения

– Результаты деятельности отмечены дипломами победителей ежегодных межрегиональных и общероссийских конкурсов «Университетская книга».

– Регулярно является участником академической книжной выставки издательской деятельности «Университет – Наука – Город».

Уголовно-процессуальная форма: границы необходимого и достаточного

Тарасов Александр Алексеевич, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института
Уфимский университет науки и технологий, Уфа (Россия)
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)

E-mail: aatar@mail.ru, ufa_kafedra@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9700-5915>

Поступила в редакцию 02.10.2024

Пересмотрена 23.10.2024

Принята к публикации 28.10.2024

Аннотация: Уголовно-процессуальная форма – это неотъемлемая часть содержания уголовного процесса и объект самых ожесточенных дискуссий в науке, заметно перегруженных идеологическими тезисами и аргументами, резкой, иногда избыточно эмоциональной критикой в адрес действующего закона и в адрес оппонентов, предлагающих какие-то изменения и дополнения этого закона. Для детального анализа выбран вопрос о том, где заканчивается объективно необходимый набор формальных предписаний закона относительно уголовно-процессуальной деятельности и начинаются очевидные процедурные и документальные излишества. «Заформализованность» российского уголовного процесса – это негативная тенденция в его современном развитии. На примере рассмотрения ходатайств следователем показано наличие явных процедурных излишеств, предусмотренных действующим Уголовно-процессуальным кодексом РФ. В литературе в качестве исторической причины такой тенденции названы глобальная «административизация» отечественной юстиции в первые годы советской власти и дефицит лояльных к ней квалифицированных юридических кадров. Отдельные авторы утверждают, что фактическое устранение обоих названных факторов в дальнейшей истории не привело к упрощению уголовно-процессуальной формы, и называют примеры избыточной «заформализованности». На примерах из Устава уголовного судопроизводства 1864 года показано, что и до советского периода российской истории взаимоотношения представителей власти между собой – судебным следователем и полицией, а также между властными субъектами и лицами, не наделенными властью, всегда регламентировались детально. В результате сформулирован вывод о том, что уголовно-процессуальная форма – это необходимое условие легитимности властной правоприменительной деятельности, персонификация ее применения и ответственности за нее. В этой части детальность нормативной регламентации и документального оформления не может считаться излишней.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма; уголовный процесс; уголовное судопроизводство; процессуальная форма; уголовно-процессуальная деятельность; уголовно-процессуальные правоотношения; процессуальные действия; процессуальные решения; процессуальные документы.

Для цитирования: Тарасов А.А. Уголовно-процессуальная форма: границы необходимого и достаточного // Jus strictum. 2024. № 4. С. 39–46. DOI: 10.18323/3034-2945-2024-4-59-5.

ВВЕДЕНИЕ

Уголовно-процессуальная форма – это, по сути, сам уголовный процесс в его внешнем выражении, поэтому любые дискуссии по любым проблемам уголовного процесса – это споры по поводу его правовой формы. В научной литературе критиковать действующий закон давно считается чуть ли не хорошим тоном. Большинство критикующих обычно предлагают усовершенствовать разные законоположения с разной степенью радикальности и, как правило, с изложением каких-то наборов аргументов, которые сами считают неотразимыми, а нередко и самоочевидными. При этом обычно авторы с не меньшей настойчивостью критикуют друг друга и в части предлагаемых изменений и дополнений закона, и в части систем аргументации. В критике других авторы тоже считают самих себя правыми, свою правоту безусловной, а собственные аргументы – более убедительными, чем у оппонентов. Нет никаких гарантий,

что конкретные авторские предложения о совершенствовании уголовно-процессуальной формы в случае их реализации непременно дадут положительный эффект, т. е. что «новое» будет хотя бы не хуже, чем «старое». Однако пока этой реализации не состоялось, горячие споры продолжаются, а если что-то из предложений все же реализовано, научные дискуссии разгораются с новой силой, поскольку всегда найдутся недовольные реализованными новшествами. В новых дискуссиях рождаются новые проекты реформирования. Этот процесс воспроизводится в истории отечественного уголовного процесса практически без перерыва уже не одно столетие. Перечислить авторов, занимавшихся проблемами совершенствования процессуальной формы, не представляется возможным, поскольку в этот перечень войдут все представители уголовно-процессуальной науки за все время ее существования.

В этой давно привычной ситуации «вечного дискуссионного фона» целесообразно каждый раз детально анализировать сами авторские критические суждения и предлагаемые проекты реформирования уголовно-процессуальной формы, системы аргументов, которыми сопровождается то и другое. Главное в таком анализе – максимально абстрагироваться от эмоциональной, лозунговой, т. е. декларативной составляющей этих суждений. Декларации, как правило, не несут самостоятельной смысловой нагрузки в отношении собственно уголовно-процессуальной формы, а лишь отражают мировоззренческие позиции конкретного автора, иногда – авторские установки конъюнктурного свойства, и нередко способны ввести в заблуждение относительно прогрессивности и перспективности провозглашаемых этим автором идей. Изобилие эмоциональных негативных оценок чужих суждений и столь же эмоциональных аргументов в пользу собственных тезисов и выводов – это довольно распространенная в современной юридической науке логическая ошибка, именуемая «доводом к публике», рассчитанным на обращение более к чувствам читающих, нежели к профессиональному анализу сказанного [1]. Идеологическая аргументация характерна более для научно-популярной литературы, рассчитанной главным образом на непрофессиональную аудиторию, и допускаемая, в принципе, именно в ней [2]. Используя такую же аргументацию в юридической науке, даже очень хорошие аналитики допускают ошибки в своих логических построениях, а нередко и вовсе отвлекаются от собственно правового содержания дискуссии [3]. Для исследований, в которых предлагается совершенствование уголовно-процессуальной формы, особенно в последние годы характерны эмоционально окрашенные заявления об избыточной бюрократизации уголовного судопроизводства, о необходимости деформализации отдельных процедур и т. п. С той же настойчивостью другие авторы предлагают более детальную регламентацию процедур производства по уголовному делу, утверждая, что именно ее отсутствие порождает главные трудности правоприменения.

Цель исследования – на примерах конкретных уголовно-процессуальных институтов показать, что степень детализации нормативно-правовой регламентации правоприменительной деятельности по уголовным делам необходима и достаточна, если она позволяет четко разграничить властную компетенцию государственных органов и определить правила их взаимодействия с личностью как носителем конституционных прав и свобод.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе структурно-системного анализа действующего уголовно-процессуального закона и предложений отдельных реформаторов отечественного уголовного процесса по его совершенствованию выясняется, насколько эти предложения соответствуют системному смыслу всего уголовно-процессуального регулирования.

Использование исторического анализа и сравнительно-правовых методик позволяет сопоставить положения российского уголовно-процессуального законодательства XIX века с советским и постсоветским уголовно-процессуальным законом на предмет соответ-

ствия принципам взаимодействия органов власти между собой и с другими участниками процессуальных правоотношений.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Соотношение уголовно-процессуальной формы и содержания уголовного процесса

Уголовно-процессуальная форма традиционно понимается в науке как неотъемлемая часть содержания самого уголовного процесса, т. е. нацеленной на решение задач уголовного правосудия деятельности властвующих субъектов, ответственных за производство процессуальных действий и принятие процессуальных решений, с участием иных физических и юридических лиц. В уголовном процессе нет ничего, что не имело бы собственной процессуальной формы – ни доказательств, какой бы информационной ценностью для раскрытия преступлений и для производства по уголовному делу ни обладали какие-то сведения, предметы или документы, ни законного принуждения в отношении любых людей, ни властных полномочий конкретных должностных лиц, ни их решений, имеющих юридическую силу. Уголовного процесса без процессуальной формы не существует, и этот факт является ровесником государственного устройства общества, взявшего на себя функцию защиты населения, проживающего на его территории, от тех человеческих поступков, которые это государство признало преступлениями. Уголовно-процессуальная форма в традиционном теоретическом представлении – это совокупность всех уголовно-процессуальных правоотношений двух принципиально различающихся видов: между двумя и более властвующими субъектами; между ними и участниками процесса, властью не обладающими [4]. Процессуальная форма может анализироваться как в целом, так и в части отдельных ее относительно самостоятельных составляющих. В литературе с советских лет разграничивали «внутреннюю форму» уголовного судопроизводства, под которой понимались именно уголовно-процессуальные отношения и «обрядность» процессуальных действий, и «внешнюю форму» уголовного процесса как «формально-церемониальное выражение его специфического содержания – урегулированной законом уголовно-процессуальной деятельности» [5, с. 239]. Не считая необходимым более подробно вникать здесь в эти теоретические тонкости, подчеркнем лишь, что любые научные изыскания в области уголовного судопроизводства – это исследование проблем уголовно-процессуальной формы, даже если сам исследователь об этом прямо не заявляет. Сказанное делает понятным, с одной стороны, что сам факт необходимости процессуальной формы не ставится под сомнение никем в современной науке, а с другой стороны – что вокруг уголовно-процессуальной формы всегда велись, ведутся сейчас и будут вестись самые острые дискуссии. Очертить хотя бы приблизительно круг вопросов, по которым ведутся основные споры такого рода, не представляется возможным ввиду глобальности самого явления процессуальной формы.

Выделим для более детального анализа то направление научных исследований, которое в последние несколько лет приобрело наиболее выраженные очертания – выяснение того, где заканчивается объективно необходимый набор формальных предписаний закона относительно уголовно-процессуальной деятельности и где начинаются очевидные процедурные и документальные излишества, для которых в литературе не без оснований придуманы яркие эпитеты – «заформализованность», «забюрократизированность» [6] и т. п.

«Заформализованность» российского уголовного процесса как негативная тенденция в его современном развитии

С.Б. Россинский справедливо и последовательно обращает внимание юридической общественности на важную «высокую», т. е. не техническую миссию уголовно-процессуальной формы, ее значение для определения сущности уголовного судопроизводства, его роли в жизни общества. Автор правильно и последовательно показывает, что излишняя детализация каждого процедурного шага правоприменителя ограничивает его творческую самостоятельность, главным образом в доказательственной деятельности по уголовным делам, а порой и вовсе не оставляет места для его минимальной инициативы и превращает носителя властных полномочий в банального делопроизводителя, а уголовно-процессуальный закон – в примитивную «пошаговую инструкцию» или «памятку» для него [7].

Со сказанным трудно не согласиться: объемы уголовных дел на практике неуклонно растут, и, как правило, вовсе не от накопления важной доказательственной информации, а от разного рода служебных документов, не представляющих самостоятельной доказательственной ценности. К числу подобных бессодержательных с точки зрения уголовно-процессуальной формы документов относим, например, постановление следователя или дознавателя об удовлетворении ходатайства, предусмотренное в ст. 122 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ. В ч. 3 ст. 159 УПК РФ, специально посвященной рассмотрению ходатайств следователем и дознавателем, предусмотрено вынесение постановления только о полном или частичном отказе в удовлетворении ходатайства, что правильно, поскольку лишь отказом в удовлетворении ходатайства можно нарушить или ограничить чьи-то права. Точно так же этот вопрос решался и в ч. 2 ст. 131 УПК РСФСР 1960 года: «О результатах рассмотрения ходатайств сообщается лицу, заявившему ходатайство. При полном или частичном отказе в ходатайстве следователь обязан вынести постановление с указанием мотивов». В официальном комментарии этого законоположения, исходящем от высшего руководства Прокуратуры СССР и Верховного Суда СССР, специально еще и пояснялось: «В случае удовлетворения ходатайства следователь может ограничиться устным сообщением или письменным уведомлением без указания мотивов» [8, с. 178]. Заявляя ходатайство о производстве какого-то процессуального действия или о принятии какого-то процессуального решения, участник процесса ждет вовсе не какой-то «успокоительной бумажки», в которой сказано о том, что он прав и что его просьба будет когда-нибудь исполнена. И хотя в современной литерату-

ре высказываются суждения в пользу необходимости вынесения постановлений об удовлетворении ходатайств [9], возьмем на себя смелость утверждать, что такое постановление – это именно пустая бумажка, не имеющая никакого процессуального смысла, но при этом требующая умственных, временных, материально-технических и организационных затрат. Заявитель ходатайства ждет либо выполнения его просьбы и производства желаемых им процессуальных действий, либо вразумительных объяснений, почему его просьба не может или не должна быть выполнена. Заявление ходатайств – это самая распространенная, если не сказать массовая, форма проявления процессуальной активности всех невластных участников производства по уголовному делу. Нетрудно представить, сколько усилий и времени, заслуживающих более достойного использования, вынужден тратить каждый следователь и дознаватель на эту бесплодную переписку со всеми ходатаями.

Нелишне отметить в этом контексте, что в уголовном процессе немало заявлений, прямо в законе не названных ходатайствами, но фиксирующих волеизъявления участников процесса и содержащих просьбы о совершении каких-то процессуальных действий, обращенные к следователям или дознавателям. Таковы, например, заявления обвиняемого и потерпевшего о прекращении уголовного дела в связи с их примирением [10]. Рассуждая *ad absurdum*, представим себе совершенно нелепую картину, когда следователь, вместо того чтобы выносить постановление о прекращении уголовного дела в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим, подлежащее, как известно, еще и согласованию с руководителем следственного органа, сначала в строгом соответствии с требованиями ст. 122 УПК РФ должен вынести два постановления об удовлетворении ходатайств. Утрируем ситуацию еще и тем, что после удовлетворения обоих ходатайств руководитель следственного органа не даст своего согласия на прекращение дела по этому не реабилитирующему основанию. Ситуация странная, но предписаниям действующего закона она соответствует.

Правоприменительная практика, как правило, ищет и находит собственные «выходы» из подобных ситуаций «неудобного» нормативно-правового регулирования. В лучшем случае на практике такие предписания молча игнорируют, как минимум до тех пор, пока какой-то контролирующий субъект прямо не укажет на выявленное им упущение. Хуже, когда эти ситуации используются недобросовестными правоприменителями для решения каких-то своих конъюнктурных задач. Так, постановлениями об удовлетворении ходатайств на практике некоторые следователи и дознаватели научились пользоваться для того, чтобы на время «отделаться» от ходатая, изначально не имея намерения что-либо предпринимать во исполнение его «удовлетворенного» ходатайства. Например, допрашивать далеко живущего свидетеля, которого еще и трудно вызвать на допрос в силу разъездного характера работы.

С.Б. Россинский настойчиво проводит и аргументирует идею, что действующий УПК РФ изобилует нормами, которые «предполагают ярко выраженный технический и технологический характер (курсив наш. – А. Т.). Иными словами, такие нормы устанавливают

не столько порядок уголовного судопроизводства, сколько правила уголовно-процессуального делопроизводства» [11, с. 121]. Автор приводит в качестве примеров немало действующих законоположений сугубо канцелярского свойства. Таково правило о запечатывании в конверт засекреченных данных о личности, например свидетеля, когда на самом деле требуется обеспечить неприкосновенность этих данных и недопустимость их разглашения, и совершенно не важно, каким техническим способом это будет сделано. С.Б. Россинский не без оснований оценивает требование предъявлять материалы уголовного дела для ознакомления участниками процесса в подшитом и пронумерованном виде и отмечает, что это правило на практике совсем не трудно обойти, что с давних пор и делалось [11]. В эпоху цифровизации это процедурное требование и вовсе выглядит архаично и даже странно.

С.Б. Россинский высказывает небезосновательные и весьма любопытные версии относительно двух глобальных исторических причин столь детальной регламентации каждого действия следователя и оформления каждого документа в уголовном деле, часто без видимой необходимости. Первая причина – это «административизация уголовной юстиции» России в 1920-е годы, в результате которой «следственной, прокурорской и судебной деятельности стали свойственны бюрократическая аура, особый "министерский" климат и своеобразная чиновничья ментальность. Если классические следователи, прокуроры, судьи – это полноценные субъекты правоприменительной практики в сфере уголовной юстиции, то работа чиновника нередко сводится именно к делопроизводству, документообороту» [11, с. 124]. Вторую историческую причину усиленной формализации уголовного процесса С.Б. Россинский видит в острой нехватке лояльных к советской власти квалифицированных юридических кадров в 1920-е годы: «Государство рассчитывало ограничить степень дискреционной свободы и творческой самостоятельности безграмотных правоприменителей» [11, с. 124], поэтому и первые советские уголовно-процессуальные кодексы представляли собою «памятку» для таких специалистов. Мера эта была вынужденной, и именно она позволила советской власти в первые годы ее существования справиться с волной преступности. С этими суждениями и версиями С.Б. Россинского трудно не согласиться: «старый мир» разрушался стремительно, представители дореволюционных профессиональных юридических сословий автоматически или почти автоматически оказывались «чуждыми классовыми элементами», многие из них покидали Россию, а другие просто активно сопротивлялись советской власти и уничтожались. Задачу противодействия преступности, резкий рост которой неизменно сопровождает любую революцию и гражданскую войну, по определению вынуждено возлагать на себя руководство тех политических сил, которые находятся в данный момент у власти.

Основы нормативно-правовой регламентации производства по уголовным делам сложились в первые послереволюционные годы, и, по мнению С.Б. Россинского, впоследствии воспроизводились во всех вновь принимаемых законах, и постепенно все к этому привыкли. Это правило, как полагает С.Б. Россинский, сохранило силу и в действующем УПК РФ 2001 года.

Большинству чиновников действительно удобнее работать в условиях жесткой регламентации и вертикали власти и подчинения, поскольку такая работа не требует творческой активности и инициативы. Однако чиновничья организация досудебного производства по уголовным делам вошла в противоречие с возрождением в постсоветской России такого отношения к судебной власти и правосудию, при котором они уже не воспринимаются как придаток административной машины и просто один из вариантов чиновничьей службы. Наиболее ранним и ярким примером такой смены парадигмы было создание в соответствии с Законом СССР от 26 декабря 1990 года № 1861-I «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления» Высшего арбитражного суда СССР взамен существовавшего до этого Государственного арбитража при Совете Министров СССР. Для определения компетенции и порядка деятельности этого нового органа судебной власти чуть позднее был принят специальный Закон СССР № 1861-I от 17 мая 1991 года, что однозначно подчеркнуло прямую связь между конституционно-правовым статусом суда как органа правосудия и процедурной формой его деятельности. Система созданных впоследствии арбитражных судов Российской Федерации и принимаемые Арбитражные процессуальные кодексы эту связь еще более укрепили, а многим специалистам дали основания считать именно арбитражный процесс своего рода флагманом в реализации самых прогрессивных идей обеспечения в современной России независимой судебной власти и подлинного правосудия. Процессуальная форма отправления правосудия как раз и является главным средством такого обеспечения, независимо от отраслевой принадлежности разрешаемых судебных дел.

В новейшей уголовно-процессуальной литературе в рамках межотраслевых процессуально-правовых исследований показано, насколько невыгодно отличается уголовный процесс в части некоторых универсальных показателей качества его судебного производства от других отраслей правосудия. Такое положение в значительной мере определяется именно «чиновничьей заорганизованностью» многих процедурных механизмов, прежде всего досудебного производства, которые традиционно оказывают влияние и на последующее судебное разбирательство по уголовным делам [12]. А.Р. Шарипова видит радикальный выход из этой явно не оптимальной схемы в разделении уголовно-процессуального закона на два изолированных друг от друга (хотя и относительно в силу единой материально-правовой основы социального конфликта) кодифицированных нормативных правовых акта с условными названиями «Кодекс расследований» и «Судебный кодекс» [13]. При всей внешней экзотичности такого предложения более детальное его рассмотрение позволяет считать, что это смогло бы как-то изолировать уже ставшую привычной жестко регламентированную и формализованную, сугубо чиновничью досудебную часть российского уголовного процесса от собственно правосудия по уголовным делам с присущими ему независимостью судей, не находящихся ни в чьем вертикальном подчинении, состязательностью и гласностью процедур судебного разбирательства.

«Новое» в уголовно-процессуальной форме должно быть как минимум не хуже, чем «старое»

Кажущаяся очевидной потребность современной практики в устранении избыточного бюрократического формализма из уголовного процесса и столь же заметная эмоциональная окрашенность авторских заявлений на этот счет требуют, как представляется, детального анализа собственно уголовно-процессуального содержания этих заявлений.

Нельзя не прислушаться к высказанной Л.В. Головки резко негативной оценке идей «деформализации» уголовного процесса, создаваемых «в кабинетах "доктринеров"»: «Государство должно корректно и легитимно участвовать в уголовном процессе не в "деформализованном" виде, а исключительно посредством сложной системы процессуально действующих государственных органов, разграничивающих между собой на уровне тонкого механизма "сдержек и противовесов" различные публично-правовые уголовно-процессуальные функции» [14, с. 268]. Далее обоснованно говорится о том, что любой вариант процессуального разделения властей между юстицией и полицией «лучше отсутствия такового в виде некой "деформализации процессуальности"» [14, с. 268].

Рассмотрим с этих позиций чуть подробнее отдельные критические высказывания С.Б. Россинского по поводу конкретных выявленных им недостатков существующей процессуальной регламентации досудебного производства по уголовным делам. «Например, ч. 2 ст. 146 УПК прямо обязывает дознавателей и следователей указывать в постановлении о возбуждении уголовного дела дату, место и время его вынесения, сведения об авторе, повод и основания для возбуждения уголовного дела и предварительную юридическую оценку (квалификацию) произошедшего» [11, с. 122]. Далее автор приводит длинный перечень процессуальных актов следователя, дознавателя и суда, к которым предъявляются аналогичные и, судя по общему авторскому контексту, излишне детальные требования, названные автором «законодательными перегибами». Сразу заметим, что в этот перечень среди прочего попали постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительное заключение, обвинительный акт [10], т. е. те исходящие от уполномоченных властвующих субъектов процессуальные решения, в которых фиксируется предъявленное обвинение. Предъявленное обвинение, напомним, в соответствии с требованиями ст. 252 УПК РФ определяет пределы судебного разбирательства по уголовному делу. Заметим также, что попавшие в перечень обвинительное заключение и обвинительный акт – это итоговые процессуальные документы досудебного производства, и с ними уголовное дело направляется в суд для рассмотрения и разрешения по существу. В этом же перечне оказалось и досудебное соглашение о сотрудничестве, сложная правовая природа которого явно не позволяет считать его простым канцелярским документом [15]. По итогам такого перечисления С.Б. Россинский эмоционально сетует: «Вполне вероятно, что в обозримом будущем подобные тенденции способны привести к еще большим правотворческим перегибам, например, к "узакониванию" требований, предъявляемых к цвету бумаги, техническим характеристикам печатающего устройства (прин-

тера), допустимой степени отклонения почерка автора протокола от прописи и т. п.» [11, с. 122]. Позиция С.Б. Россинского в этой части предельно ясна, и выше она здесь уже приводилась: незачем загружать «высокую» уголовно-процессуальную форму такими «техническими и технологическими» правилами, сравнимыми по своей значимости с требованиями к цвету бумаги, принтеру и почерку «автора».

Между тем тот, кого С.Б. Россинский дважды называет словом «автор», – это должностное лицо, представляющее государство, уполномоченное этим государством действовать от его имени и принимать процессуальные решения, т. е. реализовывать государственную власть в конкретный момент времени при наличии конкретных оснований [16]. Субъективная оценка наличия либо отсутствия таких оснований отведена в распоряжение именно этого должностного лица с неременной последующей возможностью удостовериться в том, что это должностное лицо не злоупотребило своими полномочиями, не проявило некомпетентности в оценке фактических обстоятельств, давших ему основания распорядиться предоставленной ему властью, т. е., грубо говоря, не «подставило» свое государство, не действовало во вред как самому государству, так и людям, оказавшимся по разным причинам в конкретное время в конкретном месте. Что же из перечисленного С.Б. Россинским можно считать излишним в законодательном требовании об официальной документальной фиксации конкретного носителя властных полномочий и оснований вмешиваться от имени государства в чужую частную или публичную жизнь?

С.Б. Россинский не упрекает Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года (далее – Устав) в излишней «заформализованности» уголовно-процессуальной деятельности, в сходе с «пошаговой инструкцией» или «памяткой для безграмотных правоприменителей». Императорских судебных следователей и других «правоприменителей» того времени С.Б. Россинский безграмотными тоже не считает, хотя среди них, конечно же, могли попадаться всякие [17].

Приведем полностью, например, ст. 258 Устава, в которой получил отражение малый эпизод взаимоотношений полиции и судебного следователя. «В тех случаях, когда полицией застигнуто совершающееся или только что свершившееся преступное деяние, а также когда до прибытия на место происшествия судебного следователя следы преступления могли бы изгладиться, полиция заменяет судебного следователя во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства, как-то: в осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках, но формальных допросов ни обвиняемым, ни свидетелям полиция не делает, разве бы кто-либо из них оказался тяжело больным и представилось бы опасение, что он умрет до прибытия следователя»¹. Чем не «пошаговая инструкция», если использовать авторскую терминологию С.Б. Россинского? А на самом деле в этой норме конкретизируется важный фрагмент взаимоотношений двух уполномоченных властвующих субъектов – судебного следователя как представителя

¹ Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года // Конституция РФ. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>.

судебной власти и полиции как представителя власти исполнительной (т. е. администрации). И, кроме того, этим законоположением ограждаются от возможных злоупотреблений люди, в том или ином качестве причастные к деятельности этих властвующих субъектов. Когда речь идет о государственной власти, подобная конкретика вовсе не кажется излишней. Действия судебного следователя и его взаимоотношения с прокурором как носителем обвинительной власти в системе юстиции были регламентированы в Уставе ничуть не менее детально. То же касается и взаимоотношений судебного следователя с теми, кто властью не обладал. Например, со «сведущими людьми» (названными впоследствии в советском законе «экспертами» и «специалистами» с разграничением этих процессуальных статусов [18]), а также с отдельно названными в Уставе «врачами» и «судебными врачами», участвующими в осмотре «мёртвого тела» (по советскому и постсоветскому законам – специалистами в области общей или судебной медицины, участие которых в осмотре трупа было обязательным [19]).

Не откажем себе в удовольствии процитировать полностью еще одно положение Устава – ст. 340. «До прибытия судебного врача к местонахождению мёртвого тела судебный следователь: 1) при сомнении в действительной смерти принимает меры к оживлению умершего, а в противном случае – к сохранению тела от порчи и случайных повреждений; 2) удостоверяется в тождестве мёртвого тела с лицом, о смерти коего производится следствие, и 3) составляет о принятых мерах протокол установленным порядком»². И здесь, как видим, судебному следователю закон четко предписывает, что он обязан сделать на месте происшествия в случаях обнаружения трупа. Эта регламентация не кажется излишней, поскольку она нацелена на обеспечение доказательственной силы тех сведений, которые получал при конкретных обстоятельствах судебный следователь как представитель судебной власти, являющийся действительным членом окружного суда. Это был человек с университетским образованием, сдавший квалификационный экзамен, и он уж наверняка знал, что ему надо делать на месте происшествия. Однако подробная регламентация действий судебного следователя – это фиксация их процессуальной легитимности.

Именно эта регламентация была во многом заимствована и советскими Уголовно-процессуальными кодексами, несмотря на то что глобальная «административизация» всей общественной жизни, в том числе и системы уголовной юстиции, верно и терминологически точно обозначенная С.Б. Россинским, существенно поменяла уголовно-процессуальную форму в ее высоком понимании. При советской власти произошли радикальные перемены в понимании многих существовавших и в императорской России процессуальных институтов. Так «дознание» с этим же терминологическим обозначением из дореволюционного сугубо «полицейского разведывания» [20] постепенно превратилось в процессуальную деятельность, приближенную к предварительному следствию, которое по Уставу бы-

ло совсем не полицейским. Понятие и правовой статус самих органов дознания становятся все более неопределенными [21], и здесь действительно не обошлось без элементов бюрократизации и неоправданных усложнений процедур без видимой необходимости³. Однако под видом «дебюрократизации» и оправданных процедурных упрощений нельзя допускать персонифицированного и не фиксируемого документально властного произвола, к которому неизбежно приводит любое бесконтрольное распоряжение властными полномочиями. Российская история многократно доказывала такую неизбежность. Думается, не случайно в последние годы наряду с призывами к упрощению и «дебюрократизации» в научной литературе звучат предложения о сохранении даже тех чуть ли не уникальных для России и Советского Союза и подвергнутых самой жесткой критике процедурных гарантий от властных злоупотреблений – например, участия понятых в следственных действиях [22].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уголовно-процессуальная форма – это необходимое условие легитимности властной правоприменительной деятельности, связанной с выявлением и расследованием преступлений, рассмотрением и разрешением уголовных дел в судах. Предписания уголовно-процессуального закона, при всем их разнообразии, предназначены для обеспечения процессуальной легитимности взаимодействия органов полиции и юстиции, представляющих разные ветви государственной власти и решающих разные социальные задачи, и легитимности их общего взаимодействия с личностью и обществом в целом.

Уголовно-процессуальная форма, таким образом:

1) фиксирует конкретного субъекта, реализующего властные полномочия, наличие оснований и факт применения принудительной силы государства в отношении конкретных лиц, не наделенных властью, в конкретный момент, что позволяет абсолютно персонифицировать власть и ответственность за ее реализацию;

2) устанавливает запреты, пределы и основания допустимого вмешательства в частную и публичную жизнь людей, а также формы контроля реализации властных полномочий разными, не подчиненными друг другу государственными структурами;

3) позволяет впоследствии точно установить факты злоупотребления властью и лиц, ответственных за них.

В части перечисленного уголовно-процессуальная форма не может считаться излишне детально определенной. Это – не бюрократия, это – легитимизация власти и ответственности за нее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долгачев В.Е. О наиболее типичных логических ошибках в письменной речи учащихся // Вестник Тамбовского государственного университета.

² Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года // Конституция РФ. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>.

³ Тарасов А.А. Новое в нормативной регламентации дознания: благо или симптом? // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2017. № 1. С. 121–128. EDN: [XWOKSH](https://www.elibrary.ru/).

- Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 12. С. 130–134. EDN: [KNOZGB](#).
2. Вольф М.Н. Риторическая аргументация в научно-популярном дискурсе: особенности и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. № 3. С. 426–440. DOI: [10.21638/spbu17.2020.301](#).
 3. Азаров В.А. Действительно ли отказ от «общезивилизационного мирового тренда» в уголовном судопроизводстве губителен для России? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1. С. 11–19. EDN: [LAJKVY](#).
 4. Прошляков А.Д., Ахматов И.И. Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных правоотношений. М.: Юрлитинформ, 2018. 224 с.
 5. Элькинд П.С. Уголовно-процессуальная форма. Процессуальные нормы и производства // Юридическая процессуальная форма: теория и практика. М.: Юридическая литература, 1976. С. 233–275.
 6. Гаврилов Б.Я. Потребность в новом УПК РФ: современные реалии или фантом? // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 491–497. EDN: [USDXPB](#).
 7. Россинский С.Б. УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 42–46. EDN: [JTCCZD](#).
 8. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А.М. Рекунова, А.К. Орлова. М.: Юридическая литература, 1981. 536 с.
 9. Максимов О.А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2022. 448 с.
 10. Артамонова Е.А. Волеизъявление обвиняемого в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2019. 336 с.
 11. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма VS правила уголовно-процессуального делопроизводства? // Труды Института государства и права Российской Академии наук. 2023. Т. 18. № 1. С. 116–135. DOI: [10.35427/2073-4522-2023-18-1-rossinskiy](#).
 12. Шарипова А.Р. Качество правосудия по уголовным, арбитражным и административным делам: сравнение по отдельным параметрам // Lex russica (Русский закон). 2020. Т. 33. № 11. С. 53–61. DOI: [10.17803/1729-5920.2020.168.11.053-061](#).
 13. Шарипова А.Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам. М.: Проспект, 2023. 320 с.
 14. Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство. М.: Городец, 2022. 464 с.
 15. Дикарев И.С. Обеспечение прав потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1. С. 196–202. DOI: [10.33184/pravgos-2024.1.24](#).
 16. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2010. 240 с.
 17. Немытина М.В. Судебная реформа 1864 года в России и формирование юридической корпорации // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2019. № 3. С. 66–75. EDN: [FWRVBW](#).
 18. Тарасов А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 128 с.
 19. Жданов С.П. Участие специалиста в правоохранительной деятельности. М.: Проспект, 2020. 272 с.
 20. Джамиев М.Р. Стадия возбуждения уголовного дела: быть или не быть в российском уголовном процессе // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1. С. 214–218. DOI: [10.33184/pravgos-2024.1.26](#).
 21. Дикарев И.С. Аномалии правового положения органов дознания // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 2. С. 97–104. DOI: [10.33184/pravgos-2023.2.12](#).
 22. Головачук О.С., Раменская В.С. Понятие в уголовном процессе Российской Федерации: тенденции и перспективы. На основе сравнительно-правового анализа уголовно-процессуального законодательства России, Беларуси и Казахстана // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1. С. 18–25. DOI: [10.33184/pravgos-2024.1.2](#).

REFERENCES

1. Dolgachev V.E. On the most typical logical mistakes in students' written speech. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2008, no. 12, pp. 130–134. EDN: [KNOZGB](#).
2. Volf M.N. Rhetorical argumentation in popular science discourse: features and prospects. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, 2020, vol. 36, no. 3, pp. 426–440. DOI: [10.21638/spbu17.2020.301](#).
3. Azarov V.A. Does the abandonment of the “global international trend” in criminal justice actually harm Russia? *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, 2024, no. 1, pp. 11–19. EDN: [LAJKVY](#).
4. Proshlyakov A.D., Akhmatov I.I. *Ponyatie, priznaki i sistema ugovovno-protsessualnykh pravootnosheniy* [The concept, characteristics and system of criminal procedure legal relations]. Moscow, YurLitinform Publ., 2018. 224 p.
5. Elkind P.S. Criminal procedure form. Procedural rules and proceedings. *Yuridicheskaya protsessualnaya forma: teoriya i praktika*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1976, pp. 233–275.
6. Gavrilov B.Ya. The need for a new Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: modern realities or a phantom. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2021, no. 15, pp. 491–497. EDN: [USDXPB](#).
7. Rossinskiy S.B. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the embodiment of the “high” purpose of the criminal procedural form or a “memo” for illiterate law enforcers? *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2021, no. 6, pp. 42–46. EDN: [JTCCZD](#).
8. Rekunkov A.M., Orlov A.K., eds. *Kommentariy k ugovovno-protsessualnomu kodeksu RSFSR* [Commentary on the Criminal Procedure Code of the RSFSR]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1981. 536 p.
9. Maksimov O.A. *Khodataystva i zhaloby kak forma vyrazheniya naznacheniya ugovovnogo sudoproizvodstva* [Petitions and complaints as a form of expression of

- the purpose of criminal proceedings]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2022. 448 p.
10. Artamonova E.A. *Voleizyavlenie obvinyaemogo v ugovnom sudoproizvodstve* [The Will of the Accused in Criminal Proceedings]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 336 p.
 11. Rossinskiy S.B. The criminal procedure form vs rules of criminal judicial procedure? *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy Akademii nauk*, 2023, vol. 18, no. 1, pp. 116–135. DOI: [10.35427/2073-4522-2023-18-1-rossinskiy](https://doi.org/10.35427/2073-4522-2023-18-1-rossinskiy).
 12. Sharipova A.R. The quality of justice in criminal, arbitrazh, civil and administrative cases: comparison by individual parameters. *Lex russica (Russkiy zakon)*, 2020, vol. 33, no. 11, pp. 53–61. DOI: [10.17803/1729-5920.2020.168.11.053-061](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.168.11.053-061).
 13. Sharipova A.R. *Kontseptualnye osnovy mezhotraslevoy konvergentsii v sudebnom proizvodstve po ugovnym delam* [Conceptual foundations of intersectoral convergence in judicial proceedings in criminal cases]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 320 p.
 14. Golovko L.V. *Gosudarstvo i ego ugovnoe sudoproizvodstvo* [State and its criminal procedure]. Moscow, Gorodets Publ., 2022. 464 p.
 15. Dikarev I.S. Ensuring the victim's rights when concluding a pre-trial cooperation agreement. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2024, no. 1, pp. 196–202. DOI: [10.33184/pravgos-2024.1.24](https://doi.org/10.33184/pravgos-2024.1.24).
 16. Lupinskaya P.A. *Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatelstvo, praktika* [Decisions in criminal procedure: theory, legislation, practice]. 2-izd., pererab. i dop. Moscow, Norma Publ., 2010. 240 p.
 17. Nemytina M.V. Judicial reform of 1864 in Russia and the formation of the legal corporation. *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs*, 2019, no. 3, pp. 66–75. EDN: [FWRVBW](https://www.edn.ru/FWRVBW).
 18. Tarasov A.A. *Ekspert i spetsialist v ugovnom protsesse Rossii* [Expert and specialist in the criminal process of Russia]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 128 p.
 19. Zhdanov S.P. *Uchastie spetsialista v pravookhranitel'noy deyatelnosti* [Participation of a specialist in law enforcement activities]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 272 p.
 20. Dzhamiev M.R. Initiation stage of criminal proceedings: should it be or not in Russia's criminal procedure? *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2024, no. 1, pp. 214–218. DOI: [10.33184/pravgos-2024.1.26](https://doi.org/10.33184/pravgos-2024.1.26).
 21. Dikarev I.S. Anomalies of the legal status of the inquiry bodies. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2023, no. 2, pp. 97–104. DOI: [10.33184/pravgos-2023.2.12](https://doi.org/10.33184/pravgos-2023.2.12).
 22. Golovachuk O.S., Ramenskaya V.S. Attesting witnesses in criminal procedure in the Russian Federation: trends and prospects based on comparative legal analysis of criminal procedure legislation of Russia, Belarus and Kazakhstan. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2024, no. 1, pp. 18–25. DOI: [10.33184/pravgos-2024.1.2](https://doi.org/10.33184/pravgos-2024.1.2).

Criminal procedure form: boundaries of the necessary and sufficient

Aleksandr A. Tarasov, Doctor of Sciences (Law), Professor,

Head of Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law,

professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of the Law Institute

Ufa University of Science and Technology, Ufa (Russia)

Academician S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (Russia)

E-mail: aatar@mail.ru, ufa_kafedra@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9700-5915>

Received 02.10.2024

Revised 23.10.2024

Accepted 28.10.2024

Abstract: The criminal procedure form is an integral part of the content of the criminal procedure itself and the object of the fiercest discussions in science, noticeably overloaded with ideological theses and arguments, sharp, sometimes excessively emotional criticism of the current law and of opponents proposing some changes and amendments to this law. The question of where the objectively necessary set of formal prescriptions of the law regarding criminal-procedural activity ends and obvious procedural and documentary excesses begin was chosen for a detailed analysis. The “formalization” of the Russian criminal process is a negative trend in its modern development. The example of the consideration of petitions by the investigator shows the presence of obvious procedural excesses provided for by the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation. In the literature, the global “administrativization” of domestic justice in the first years of the Soviet regime and the shortage of qualified legal personnel loyal to it are named as the historical reason for this trend. Some authors argue that the actual elimination of both of these factors in subsequent history did not lead to a simplification of the criminal procedure form and mention examples of excessive “formalization”. Examples from the 1864 Charter of Criminal Procedure show that even before the Soviet period of Russian history, the relationship between representatives of power – the judicial investigator and the police, as well as between authorities and persons not vested with power – was always regulated in detail. As a result, a conclusion was formulated that the criminal procedure form is a necessary condition for the legitimacy of the authorities’ law enforcement, the personification of its application and responsibility for it. In this part, the detail of normative regulation and documentary registration cannot be considered excessive.

Keywords: criminal procedure form; criminal proceedings; criminal procedure; procedural form; criminal-procedural activity; criminal-procedural legal relations; procedural actions; procedural decisions; procedural instruments.

For citation: Tarasov A.A. Criminal procedure form: boundaries of the necessary and sufficient. *Jus strictum*, 2024, no. 4, pp. 39–46. DOI: [10.18323/3034-2945-2024-4-59-5](https://doi.org/10.18323/3034-2945-2024-4-59-5).

НАШИ АВТОРЫ

Зимников Матвей Денисович, студент.

Адрес: Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России),
117149, Россия, г. Москва, Большой Каретный пер., 10А.
E-mail: zimnikovmatvej8@gmail.com

Кожевников Родион Олегович, аспирант.

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: kozhevnikov.rodion@yandex.ru

Макарейко Николай Владимирович, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры административного права и процесса.

Адрес: Нижегородская академия МВД России,
603950, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
E-mail: makareiko_nik@mail.ru

Маштаков Игорь Владимирович, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: i.mashtakov@tltsu.ru

Тарасов Александр Алексеевич, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института.

Адрес 1: Уфимский университет науки и технологий,
450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
Адрес 2: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: aatar@mail.ru

OUR AUTHORS

Kozhevnikov Rodion Olegovich, postgraduate student.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: kozhevnikov.rodion@yandex.ru

Makareyko Nikolay Vladimirovich, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor,
professor of Chair of Administrative Law and Procedure.

Address: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
603950, Russia, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye shosse, 3
E-mail: makareiko_nik@mail.ru

Mashtakov Igor Vladimirovich, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Civil Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: i.mashtakov@tltsu.ru

Tarasov Aleksandr Alekseevich, Doctor of Sciences (Law), Professor,
Head of Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law,
professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of the Law Institute.

Address 1: Ufa University of Science and Technology,
450076, Russia, Ufa, Zaki Validi Street, 32.
Address 2: Academician S.P. Korolev Samara National Research University,
443086, Russia, Samara, Moskovskoye Shosse, 34.
E-mail: aatar@mail.ru

Zimnikov Matvey Denisovich, student.

Address: The All-Russian State University of Justice
(Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia),
117149, Russia, Moscow, Bolshoy Karetny Pereulok, 10A.
E-mail: zimnikovmatvej8@gmail.com

Фото на обложке: А. Чернявский.